Евангельская история

книга третья

Протоиерей Павел Матвеевский

Евангельская история. Книга третья. Конечные события Евангельской истории

Серия «Евангельская история», книга 3

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=297852
Евангельская история. Книга третья. Конечные события Евангельской истории: Сибирская Благозвонница; М.; 2010
ISBN 978-5-91362-242-6

Аннотация

«Евангельская история» является самым известным трудом Павла Алексеевича Матвеевского (1828–1900) – духовного писателя, протоиерея, магистра Санкт-Петербургской духовной академии. Первое издание вышло в 1890 г. В книге последовательно излагается земная жизнь Иисуса Христа. толкования П.А.Матвеевского взяты в основном из творений святых Отцов Церкви. Труд представляет большой интерес с точки зрения полноты изложения догматического учения о Христе и собранного в нем богатейшего материала священных текстов.

В третью книгу вошли конечные события Евангельской истории.

Содержание

Праздники кущей и обновления 4
Отшествие Господа в Иудею 4
Проповедь в преполовение и в последний день праздника кущей 6
Прощение грешницы 10
Дальнейшие речи во храме 12
Исцеление слепорожденного 16
Слово о добром Пастыре 20
Учение о единосущии с Богом Отцом 22
Пребывание Господа за Иорданом 24
Ответ на вопрос о разводе 24
Благословение детей 27
Беседа с богатым юношей 29
Беседа с апостолами о воздаянии и притчи о делателях в винограднике 31
Движение Господа к Иерусалиму на страдания 34
Известие о болезни Лазаря 34
Предсказание Господа о страданиях, смерти и воскресении 36
Исцеление слепого и обращение Закхея 39
Притча о десяти минах 41
Исцеление слепых при выходе из Иерихона 43
Воскрешение Лазаря 44
Решение синедриона 49
Вечеря в Вифании 52
Последние дни пребывания Господа на земле 54
Первый день последней седмицы 55
Торжественный вход Господа в Иерусалим 55
Речь о прославлении, о страданиях и глас с неба; наставление народу и ученикам 60
Конец ознакомительного фрагмента. 62

Евангельская история. Книга третья. Конечные события Евангельской истории *Евангельская история 3* Протоиерей Павел Матвеевский

По благословению митрополита Ташкентского и Среднеазиатского ***Владимира***

Праздники кущей и обновления

Отшествие Господа в Иудею Ин. 7, 2-10

Приближался один из трех величайших праздников иудейских – поставление кущей. Этот праздник установлен был в воспоминание странствования евреев по пустыне (Лев. 23, 42-43), когда они жили в палатках и кущах: но вместе с тем, начинаясь в 15-й день седьмого месяца тисри и продолжаясь до 21 (по современному летоисчислению это конец сентября и начало октября), он был также праздником окончания жатвы и собирания плодов (Исх. 23, 16; Лев. 23, 39; Втор. 16, 13). По заповеди Моисея в праздник кущей, так же, как в праздник пасхи и пятидесятницы, каждый совершеннолетний израильтянин обязан был явиться *пред лицем Господа* (Втор. 16, 16), т. е. по построении храма – в Иерусалим, и не с пустыми руками, а с дарами, сообразно с достатком каждого. окончание полевых работ и обильный сбор земных плодов делали этот праздник особенно радостным для народа, так что он слыл «святейшим и величайшим» и наблюдался особенно строго. во время праздничной седмицы иудеи жили в кущах, которые делали из древесных ветвей и расставляли везде, где можно, на дворах, плоских крышах домов, улицах и площадях, а для ближайшего напоминания о торжестве, по заповеди закона (Лев. 23, 40), празднующие носили в руке пучок из ветвей красивых и широколиственных дерев. все возрастное население Палестины, пользуясь досугом, обыкновенно спешило к иерусалимскому храму, где в этот праздник совершались самые торжественные обряды. кроме многочисленных ежедневных жертв всесожжения и хлебного приношения, подробно указанных в Моисеевом законе (Чис. 29, 13–39), каждый день утром происходил обряд возлияния воды: священник выходил из храма к силоамско-му источнику и, почерпнув воды в золотой сосуд, приносил к жертвеннику и здесь, смешав ее с вином, при звуках музыки и пения псалмов выливал на жертвенник. с первого же дня, вечером, в притворах храма возжигали золотые светильники, которые, распространяя свет свой с вершины горы храма на весь город, немало служили к украшению праздника. на восьмой день праздник оканчивался, и все богомольцы возвращались в свои дома.

В Галилее, где находился в это время Иисус Христос, все были озабочены приготовлениями к путешествию на праздник в Иерусалим. родственники господа со стороны Пречистой Матери Его, названные у святого евангелиста Иоанна *братьями*, стали говорить Ему: *прейди отсюду и иди во Иудею, да и ученицы Твои видят дела Твоя, яже твориши: никтоже бо втайне творит что и ищет сам яве быти; аще сия твориши, яви Себе мирови*. святой

евангелист прямо замечает, что *ни братия Его вероваху в Него* (Ин. 7, 5). в словах их слышится жалоба и упрек господу за медлительность провозгласить себя Мессиею – явно, перед целым светом, не в пренебрегаемой и малоизвестной Галилее, а в столице всего иудейства – Иерусалиме. Не веруя в Божество Его, не рассчитывали ли они разделить земную славу Его в том случае, если бы молва о нем распространилась в обширнейшем кругу, или, недоумевая относительно лица своего сродника, не желали ли они как можно скорее решить для себя вопрос о Мессии там, где он и должен был решиться – не в Галилее (Ин. 7, 41), а в Иерусалиме (Лк. 13, 33)? в своем ответе неверующим сродникам Иисус Христос указал на несвоевременность их требования: *время Мое не у прииде, время же ваше всегда готово есть*. – он как бы говорил: Мне еще рано подвергать себя очевидной опасности – идти с вами и в сопровождении множества последователей туда, где Мои злейшие враги, которые, без сомнения, не упустят случая причинить Мне зло: «для Меня время будет тогда, когда настанет время креста, когда Мне должно будет умереть» (свт. Иоанн Златоуст); что касается вас, то вы безо всякого опасения можете идти в Иерусалим – сегодня или завтра, тайно или явно. *Не может мир ненавидити вас, Мене же ненавидит, яко Аз свидетельствую о нем, яко дела его зла суть*, – мир, в смысле всего враждебного Христу и делу Его (Ин. 15, 18–19), не опасен для тех, которые единомыс-ленны с ним, одного с ним желают, одного домогаются. Посему *вы взыдите в праздник сей, Аз не взыду* теперь с вами *в праздник сей, яко время Мое не у испол-нися*. Господь знал, что не в праздник кущей надлежало Ему пострадать и умереть за спасение мира, а в праздник пасхи, как истинной Жертве и агнцу Божию, предназначенному еще прежде сложения мира (1 Пет. 1, 20). отпустив своих сродников, Иисус Христос пробыл несколько времени в Галилее, а потом и сам пошел на праздник, не явно, *но яко тай*, т. е. по возможности тихо и скрытно. Шумное шествие с толпою народа, обыкновенно окружавшего господа, могло бы прямо указать Его врагам и повести к решительным действиям с их стороны.

Проповедь в преполовение и в последний день праздника кущей Ин. 7, 10–8, 1

Праздник кущей начался в Иерусалиме при большом стечении народа не только из всей Палестины, но и других стран, где проживали иудеи рассеяния. Господь замедлил своим прибытием в священный город. отсутствие Его было замечено; иудеи искали Его на празднике и спрашивали: где он? Много было толков в народе о нем: одни, слышавшие о благодетельных чудесах Его, говорили, что он *благ есть*, а другие, преимущественно из числа фарисеев и старейшин, – *ни, но льстит народы*. впрочем, по страху иудеев, никто не говорил о нем явно: боялись говорить о нем, чтобы не навлечь на себя преследования со стороны врагов Его.

О прибытии Иисуса Христа в город в народе не было слышно: он пришел тайно, в виде простого путешественника, и первое время провел, вероятно, в вифании, в дружественном доме Марфы, Марии и Лазаря. в половине праздника, считая свое явление народу благовременным, он вошел в храм и начал учить. Чему он учил, святой евангелист не сказал, но он учил «дивно» (свт. Иоанн Златоуст), так что иудеи пришли в изумление и спрашивали: *како Сей книги весть не учив-ся?* они знали, что Христос не посещал общественного училища и не пользовался уроками какого-либо более или менее известного раввина. в ответе своем Господь как бы согласился с ними, что для того, чтобы учить, нужно наперед самому научиться, и вместе с тем показал, что у него есть Учитель, который без сравнения превосходнее всех земных учителей. – отец небесный, пославший Его в мир: *Мое учение несть Мое, но по-славшаго Мя*, – учение Христа не разнится от Писаний, есть также откровение Божие, изъясняющее и восполняющее ветхозаветный закон. Это учение, по толкованию святителя Иоанна Златоуста, «*Его*, потому что он говорил, не как наученный, – *не Его*, потому что оно было учением отца», и вместе с тем – «Его учение и учение отца одно и то же: ибо хотя во Мне ипостась и другая, как бы так говорил Господь, но я и говорю, и делаю так, что нельзя подумать, будто я говорю и делаю что-либо отличное от отца: я говорю и делаю то же самое, что и отец». Учение господа, как вполне согласное с нравственным законом, насажденным от Бога в сердцах людей, и с волею Божией, выраженной в ветхозаветном откровении, свидетельствует о своем Божественном происхождении*: аще кто хощет волю Его творити*, т. е. отца небесного, – продолжал Господь, – *разумеет о учении, кое от Бога есть, или Аз от Себе глаголю*. Дальнейшее доказательство Божественности учения Его – то, что он не ищет своей славы, а только славы пославшего Его отца небесного, все низводя от него и все возводя к нему: *глаголяй от себе, славы своея ищет, а ищай славы пославшаго Его, сей истинен есть и несть неправды в нем.* исцеление расслабленного при вифезде в субботний день так раздражило фарисеев с их многочисленными приверженцами, что они тогда уже искали убить господа Иисуса Христа (Ин. 5, 16), и теперь, при появлении Его в храме, опять вспомнили о мнимом нарушении Моисеева закона и, вскипев злобою, вынудили Его направить речь к защите себя против ложного обвинения. *Не Моисей ли даде вам закон и никтоже от вас творит закона? Что Мене ищете убити?* с таким вопросом он обратился к окружавшей Его толпе народа, в которой были и такие, особенно из числа богомольцев, пришедших из дальних стран, которые ничего еще не знали о богоубийственных замыслах врагов Его, – были также и неприязненные Ему единомышленники фарисеев. одни не могли скрыть крайнего удивления при таком, казалось им, неуместном вопросе, и другие, не желая обнаружить перед всеми свои тайные мысли, считали удобнейшим на этот раз лицемерно и наружно отказаться от своих замыслов: из толпы раздались голоса: *беса ли имаши? Кто Тебе*

ищет убити? Это, говорит святой отец Иоанн Златоуст, «слова гнева и ярости, вылившиеся из души врагов, потерявшей всякий стыд и крайне смущенной от неожиданного обличения в том, о чем они думали». не обращая внимания на такое гневное замечание, Господь продолжил свою защитительную речь, в которой указал в свое оправдание на случаи несоблюдения субботнего покоя, постоянно встречавшиеся в быту самих иудеев и не считавшиеся преступными: *едино дело сотворих, и вси дивитеся; сего ради Моисей даде вам обрезание, не яко от Моисеа есть, но от отец: и в субботу обрезаете человека*, когда восьмой день по рождении падает на субботу (Быт. 21, 4; Лев. 12, 3). *Аще обрезание приемлет человек в субботу, да не разорится закон Моисеев: на Мя ли гневаетеся, яко всего человека здрава сотворих в субботу?* «такое нарушение субботы есть соблюдение закона, так что если бы не была нарушена суббота, то через это по необходимости был бы нарушен закон. обрезание выше субботы, а Христос совершил дело, которое выше и превосходнее даже обрезания» (свт. Иоанн Златоуст). Закон о субботе, хотя и не в таком смысле, какой придавали ему фарисеи, вошел в состав Десятословия (4-я заповедь), а закон об обрезании, преданный *от отцев*, т. е. патриархов (Быт. 17, 10; 21, 4), был только подтвержден Моисеем (Лев. 12, 3). Если закон важнейший, составлявший одну из главнейших заповедей, нарушался для выполнения закона, не входившего в Десятословие, и нарушители его не были почитаемы преступниками закона, то, с точки зрения самих иудеев, нельзя было обвинять господа в нарушении закона о субботе только потому, что он совершил дело, которое еще важнее обрезания. освобождать же от обвинения Моисея, давшего как бы повод к нарушению закона о субботе, и обвинять того, кто не имел намерения нарушить его и нисколько не виновнее самих ревнителей закона, было бы несправедливо и лицеприятно. Притом, о всяком деле должно судить не по наружности, не по внешней стороне, а по внутренней, принимая во внимание побуждение и цель: *не судите*, смотря *на лица, но праведный суд судите.*

Жители Иерусалима знали о замыслах врагов господа Иисуса Христа, и теперь некоторые из них, слыша защитительную речь Его, говорили: *не Сей ли есть, Егоже ищут убити?* им казалось странным, почему дают Ему возможность свободно учить и защищаться: *се не обинуяся глаголет и ни-чесоже Ему не глаголют: еда како разумеша князи, яко Сей есть Христос?* По убеждению Иерусалимлян, это удостоверение не имело основания: *но Сего вемы, откуду есть: Христос же, егда приидет, никто-же весть, откуду будет*. о происхождении Мессии из вифлеема и из рода Давидова известно было из ветхозаветных пророчеств (Мф. 2, 4–6; ин. 7, 42), но раввины распространили в народе мнение, что ближайшие обстоятельства рождения Мессии на земли никому не будут известны, и эта выдумка, как видно, для многих служила камнем претыкания.

Возвысив и усилив голос, Господь отвечал им: *и Мене весте, и весте, откуду есмь*, но есть еще другое знание, которого вам недостает: *о Себе не приидох, но есть истинен Пославый Мя, Егоже вы не весте: Аз вем Его, яко от Него есмь и Той Мя посла*. Это ясное указание Иисуса Христа на свое Божественное посланничество привело в ярость врагов Его, и они хотели было схватить Его, но еще не настало предопределенное время смерти Его, и в этот раз никто не наложил на него рук. Между тем, в народе вера в него распространялась более и более: простые люди, привлекаясь, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «не учением или проповедью, а чудесами», говорили: *Христос егда приидет, еда боль-ша знамения сотворит, яже Сей творит?* такие толки в народе о Христе дошли до членов верховного иудейского судилища – синедриона, заседавшего в одной из многочисленных пристроек, окружавших храм. Первосвященники и фарисеи, опасаясь возмущения, послали служителей схватить Иисуса Христа при первом удобном случае. всеведущий, зная об этом враждебном распоряжении, зная также, что оно осуществится если не теперь, то в скором времени – не далее будущего праздника пасхи, предупреждал своих слушателей: *еще мало время с вами есмь и иду к Пославшему Мя. Взыщете Мене и не обрящете, и идеже есмь*

Аз, вы не можете приити. Господь разумел те *обители в дому Отца* своего небесного, куда он, в беседе с учениками, обещал привести верующих в него (Ин. 14, 2–3). иудеи не поняли этих пророчественных слов спасителя и стали говорить между собою: *камо Сей хо-щет ити, яко мы не обрящем Его? Еда в разсеяние еллин-ское хощет ити* – к израильтянам, поселившимся между язычниками, *и учити еллины*, т. е. язычников? *Что есть сие слово, еже рече: взыщете Мене и не обрящете, и идеже есмь Аз, вы не можете приити?* идти к иудеям рассеяния, учить язычников, т. е. быть Мессией язычников, а не народа Божия, – эти выражения в устах врагов Христовых звучали самой горькой насмешкой. надмеваясь плотским происхождением от авраама, гордые фарисеи все обетования Бо-жии о Мессии и царстве Его относили к плотскому израилю, так что, по мысли их, истинный Мессия только и мог быть Мессией исключительно народа иудейского.

Между тем, праздничная седмица прошла, и наступил последний великий день праздника – восьмой, который был отданием (Чис. 29, 35) и попразднством (неем. 8, 18). в этот день богослужение совершалось с особой торжественностью, и богомольцы спешили в храм, чтобы потом разойтись по домам. Господь воспользовался этим случаем и сказал народу знаменательную «напутственную» речь (свт. Иоанн Златоуст). содержание для этой речи он заимствовал от обряда возлияния воды на жертвенник, составлявшего особенность праздника кущей. как самый праздник, главным образом, был установлен в воспоминание сорокалетнего странствования израильтян в пустыне, так, в частности, обряд возлияния воды наглядно представлял народу одно из поразительных чудес – изведение Моисеем воды из скалы в пустыне (Исх. 17, 6; Чис. 20, 11). та пустынная скала была прообразом источника благодати – самого Христа, и та вода, которая утолила жажду народа израильского, предызображала изливаемые на верующих дары святого Духа.

Став среди народа, Господь громко сказал: *аще кто жаждет, да приидет ко Мне и пиет*. Христос никого не влечет принуждением и насилием, но кто имеет великое усердие, кто пламенеет желанием, того он призывает. такой и сам для других сделается источником благодати, утоляющей духовную жажду: *веруяй в Мя, якоже рече Писание, реки от чрева его истекут воды живы.* По изъяснению святителя Иоанна Златоуста, «*чревом* здесь называется сердце», подобно тому, как в псалме (39, 9), а «обилие благодати» святого Духа представляется под образом *рек воды живы*, по смыслу пророческих речений (ис. 12, 3; 44, 3; 55, 1; иоил. 2, 28; Зах. 14, 8), на которые Господь указал общим выражением: *якоже рече Писание.* святой евангелист Иоанн прямо замечает, что *сие рече о Дусе, Егоже хотяху приимати верующии во имя Его: не у бо бе Дух Святый, яко Иисус не у бе прославлен*, «называя славою крест» (свт. Иоанн Златоуст).

Эта речь господа Иисуса Христа, переданная в Евангелии, вероятно, в кратком виде, произвела сильное впечатление. как *живое Слово Божие и действенное*, она *острейше паче всякаго меча обоюду остра* произвела разделение в чувствованиях и помышлениях сердечных (Евр. 4, 12), которые открылись в истинном свете. Многие из народа говорили: *Сей есть воистинну Пророк*, а другие: *Сей есть Христос*, иные же неверующие рассуждали: *еда от Галилеи Христос приходит? Не Писание ли рече яко от семене Давидова и от Вифлеемския веси, идеже бе Давид, Христос приидет?* возник сильный спор, и в пылу распри некоторые хотели схватить Его, но эта попытка не удалась, без сомнения, по той же причине, именно потому, что еще не пришел час Его. служители, посланные первосвященниками и фарисеями взять Его, возвратились ни с чем, и когда спросили их: *почто не приведосте Его?* – отвечали в свое оправдание: *николиже тако есть глаголал человек, яко Сей Человек.* такой ответ простых людей весьма не понравился ученым и знатным членам синедриона, и они обратились к посланным с горьким упреком: *еда и вы прельщени бысте? Еда кто от князь верова в Онь или от фарисей? Но народ сей, иже не весть закона, прокляти суть.* в невежестве народа они видят причину того сочувствия, какое постоянно встречал Господь со стороны простых

и некнижных людей: в гневе на эту слепую толпу они разражаются проклятиями. но между членами синедриона, в ослеплении страсти потерявшими способность хладнокровного рассуждения, нашелся один потаенный ученик господа, никодим, который старался сдержать порыв своих товарищей и возвратить их на путь закона. осудив народ за незнание закона, они сами забыли или намеренно не соблюли закона. *Еда закон наш судит человеку*, – говорил им никодим, – *аще не слышит от него прежде и разумеет, что творит?* Закон Мо исея, воспрещая внимать пустому слуху (Исх. 23, 1), повелел внимательно выслушивать обвиняемых на суде (Втор. 1, 16) и в случае спора или тяжбы требовал не менее двух или трех свидетелей (19, 15). но это справедливое замечание только усилило гнев врагов Христовых: с крайней досадой они сказали никодиму: *еда и ты от Галилеи еси? Испытай и виждь, яко Пророк от Галилеи не приходит*.

Спорить с людьми, увлеченными страстью, было трудно, – и никодим замолчал. собрание окончилось, все разошлись по домам, а Иисус Христос пошел на гору Масличную, где провел остаток дня и ночь.

Прощение грешницы
Ин. 8, 2–11

На другой день Господь опять пришел в храм. Множество народа собралось к нему, и он сел и начал учить. книжники и фарисеи, увидев Его среди народа, задумали дело, которое, по их расчету, должно было повредить Ему в общем мнении. они привели женщину, взятую в прелюбодеянии, и, поставив ее посреди толпы пред Иисусом Христом, сказали Ему: *Учителю, сия жена ята есть ныне в прелюбодеянии. В законе же нам Моисей повеле таковыя камением побивати: Ты же что гла-голеши?* в этом случае книжниками и фарисеями руководило не чувство оскорбленной чистоты, потому что, прикрываясь наружным благочестием, они сами предавались тайным порокам, и подобное преступление при общем упадке нравственности в то время не представляло ничего особенно удивительного и при других обстоятельствах, вероятно, не раз было оставляемо без преследования. они привлекли преступницу с места преступления в священные пределы храма, выставили ее на показ толпе и подвергли ее тяжелой нравственной пытке единственно с целью сделать ее орудием своей ненависти к Иисусу Христу.

В законе Моисеевом была определена нарушителям супружеской верности вообще смертная казнь (Лев. 20, 10), и только в известном случае – через побиение камнями, именно когда преступницей была молодая девица, обрученная мужу (Втор. 22, 23–24). ссылкою на закон Моисеев враги господа думали поставить Его в безвыходное положение. незадолго пред сим римляне отняли у иудеев право казнить смертью без согласия своего прокуратора[1], а закон римский за прелюбодеяние не наказывал смертью и, в частности, не допускал побиения камнями. Если бы спаситель сказал, что над грешницей должно исполнить предписание закона, книжники и фарисеи не только могли бы обвинить Его перед народом в жестокости, но и выставить перед римским правительством, как возмутителя, не признающего высшей власти. Если бы, напротив, он решил оставить закон без исполнения и не подвергать женщину наказанию, то враги Его имели бы право привлечь Его к суду синедриона как презрителя и противника закона Моисеева и не преминули бы воспользоваться этим обстоятельством для подрыва в народе всякой веры в достоинство Его как Мессии. всеведущий читал в сердцах своих искусителей. низость, злоба, бессердечная жестокость, наглое бесстыдство их поразили сердце господа: он не столько устыдился глубокого падения жалкой грешницы, сколько ужасного нравственного растления обвинителей ее. ничего не отвечая и даже как бы не желая слушать лукавых и лицемерных обвинителей, он склонил лице свое вниз и, нагнувшись, писал перстом на земле. Для людей менее испорченных было бы довольно этого намека на то, что и память о грехе, очищенном раскаянием и покрытом снисхождением, может быть также забыта и затерта, как и написанное на пыли и прахе. но бесстыдные обвинители, как бы ничего не видя и не понимая, настоятельно требовали ответа. тогда Иисус Христос восклонился, посмотрел на них взглядом, проникавшим в души их, и кротко сказал: *иже есть без греха в вас* против заповеди о целомудрии, *прежде верзи камень на ню*. По закону при побиении камнями *рука свидетелей да будет в первых* (Втор. 17, 7), т. е. первые камни должны быть брошены непосредственными свидетелями преступления. таким образом Господь предоставил решение этого дела самим искусителям, т. е. суду собственной их совести, указав им при этом на дух и смысл закона, при всей строгости не исключающего взаимного снисхождения и любви к грешникам (Мф. 5, 17; 7, 1–5), и опять, наклонившись низко, писал на земле.

---

[1] Валмуде (в трактате Sanhedrin, fol. 24, 2) говорится, что «за сорок лет до разрушения храма у изра иля были уничтожены уголовные судилища», т. е. отнято право произносить смертные приговоры.

Господь говорил, что он пришел не судить мир, но чтобы мир спасен был чрез него (Ин. 3, 17), пришел призвать грешников к покаянию (Мф. 9, 13; Мк. 2, 17; Лк. 5, 32). как говорится о кротости Иисуса Христа, что он *трости надломленной не переломит*, – она уже надломлена, только чуть согнуть ее, и сломается, но не переламывал ее, – и *льна курящегося не угасит* (Мф. 12, 20; ис. 42, 1–4). Даже слабый огонь не погашал – он и их, обвинителей жены-грешницы, призывал к совести, к долгу, устыдить хотел.

По древнему толкованию, фарисеи и книжники, увлекаемые любопытством, подошли к нему узнать, что же он пишет. и вот, когда один из них подкрался совсем близко и стал заглядывать Ему через плечо, то вдруг увидел, что Христос, даже не взирая на него, написал его имя и грех, им некогда совершенный: «ашер – соблудил с женой брата своего». о ужас! ведь это же тайна, никто их не видел! как же он знает?! Боясь, что его беззаконие будет раскрыто и его самого побьют камнями, фарисей быстро удалился.

Другой фарисей, заинтересовавшись, почему это ашер так спешно ушел, тоже подкрался сзади к Иисусу Христу. он увидел писанным свое имя. Указан был и грех его: «Мешулам – украл церковную казну». Фарисей пришел в ужас: «никто об этом не знает, а сейчас идет разбирательство, ищут вора, и Иисус может сказать обо мне. тогда найдут деньги и меня побьют камнями». и познав в Иисусе великого пророка, он тоже поспешил уйти.

Третий подошел. Иисус Христос, не оборачиваясь назад, но ведая, кто за ним стоит, писал: «ионафан, пойманный разбойниками, хулил Бога израилева и отрекся от него». испуганный фарисей выбежал из храма. *Один за другим, начиная от старших* (Ин. 8. 9), они подходили к нему и читали: «Шалум ложно поклялся… Элед ударил своего отца…»

Фарисеи, подходя ко Христу, узнавали сокровенные грехи, которые известны были этому Человеку, и дрожали от страха. ведь если эти законники открыли грех, тайну этой женщины для суда над ней, значит, и Господь мог бы так же открыть и их грехи, мог бы обличить каждого перед народом, и многие из них были бы побиты камнями.

Совесть заговорила в обвинителях, и они теперь лишь увидели, что и сами такие же преступники закона, как приведенная ими женщина. не зная, что сказать в свое оправдание, они в крайнем смущении начали уходить друг за другом. остался один Иисус с женщиной, стоявшей пред ним. Могла бы и она уйти, и уйти поспешно, чтобы скрыть свой стыд от людей, но чувство раскаяния и благоговейный трепет благодарности удержали ее на месте: она хотела слышать последнее слово своего милосердого судии. Подняв голову и не видя никого, кроме женщины, Господь спросил: *жено, где суть, иже важдаху на тя? Никийже ли тебе осуди? – Никто-же, Господи*, – отвечала она. – *Ни Аз тебе осуждаю*, сказал ей Пришедший *взыскати и спасти погибших* (Мф. 18, 11), *иди и отселе ктому не согрешай.*

Фарисеи и книжники не вразумились даже этим поразительным случаем. они видели, что сей Человек не простой Человек, он Пророк, он сын Божий. все пророчества говорили о нем, но у них возникла ненависть, зависть, демонский ум стал уже пребывать в них, они стали сынами противления и пошли по пути богоубийства.

Дальнейшие речи во храме Ин. 8, 12–59

Праздник окончился, и богомольцы, пришедшие из разных стран, оставили город и храм. следующие речи произнесены господом в одном из притворов храма, в том отделении, где находилась сокровищница, недалеко от места заседаний синедриона, и произнесены, по замечанию святого евангелиста, исключительно иудеям (Ин. 8, 22, 48, 52, 57), между которыми были фарисеи (ст. 13) и даже, быть может, члены синедриона. как в предшествующей речи, пользуясь образом скалы, чудесно источившей воду жаждущему народу, он указал в себе неистощимый источник воды живой (Ин. 7, 37–39), так теперь другой прообраз из времени странствования израильтян по пустыне – чудесный огненный столп (Исх. 13, 21–22; 40, 36–38) дал Ему повод назвать себя истинным светом мира. Этот огненный столп был памятен иудеям между другими чудесами, т. к. праздник кущей и был посвящен, главным образом, воспоминанию чудесных обстоятельств странствования. те золотые светильники, которые в течение праздничной седмицы по вечерам зажигались в притворах храма, распространяя свет свой на далекую окрестность, могли служить для израильтян наглядным напоминанием о древнем чуде. изъясняя ветхозаветное прообразовательное событие в новозаветном смысле, Господь сказал своим слушателям: *Аз есмь свет миру, ходяй по Мне, не имать ходити во тме, но имать свет животный*. он, по толкованию святителя василия великого, «называет себя светом мира, означая сим именем неприступность славы в Божестве и показывая, что он светлостью ведения озаряет имеющих очищенное душевное око». израильтяне, водимые столпом огненным, не оставались во тьме и ночью; так, последующий за господом не блуждает во тьме богоневедения, но делается *сыном света* (1 сол. 5, 5) и, отвергнув *неплодныя дела тьмы*, в своей жизни проявляет озаряющий его свет духовный (Еф. 5, 8, 11). Фарисеи, наблюдавшие за Иисусом Христом со злым намерением уловить Его в чем-либо, припомнили сказанное прежде и непонятое ими изречение Его (Ин. 5, 31) и теперь повторили слова Его, думая поставить Его в противоречие с самим собою: *Ты о Себе Сам свидетельствуеши: свидетельство Твое несть истинно*. С непререкаемой силой, присущей ипостасной истине, Господь отвечал своим совопросникам: *аще Аз свидетельствую о Себе, истинно есть свидетельство Мое, яко вем, откуду приидох и камо иду: вы же не весте, откуду прихожду и камо гряду* – «я от Бога, и Бог, и сын Божий, а Бог сам о себе достоверный свидетель» (свт. Иоанн Златоуст). *Вы по плоти судите*, смотря только на видимую человеческую природу и не представляя ничего высшего, *Аз не сужду ни-комуже*, потому что «теперь не время суда и я не для этого пришел», *аще сужду Аз* – «намек на будущий суд» – *суд Мой истинен есть, яко един несмь, но Аз и пославый Мя Отец*, – «посольство, по замечанию святителя кирилла александрийского, относится к воспринятому человечеству». *И в законе же вашем писано есть, яко двоих человеков свидетельство истинно есть: Аз есмь свидетельствуяй о Мне Самом и свидетельствует о Мне пославый Мя Отец.* Моисеев закон для полной достоверности требовал показаний двух или трех свидетелей (Втор. 17, 6; 19, 15), и этому требованию вполне удовлетворяет свидетельство господа, подтверждаемое свидетельством Бога отца. отец свидетельствовал о сыне при крещении (Мф. 3, 17) и на горе Преображения (17, 5) гласом своим, а еще чаще и, можно сказать, непрестанно – теми чудными делами, которые сын совершал *о имени Отца* (Ин. 5, 36; 10, 25, 38). но неверующие иудеи не понимали и не принимали этого Божественного свидетельства о Христе и спросили Его: *где есть Отец Твой? – Ни Мене весте, ни Отца Моего*, – отвечал им Господь, – *аще Мя бысте ведали, и Отца Моего ведали бысте.* святой евангелист замечает, что, несмотря на такое ясное указание господа на свое Божественное посланничество, *никтоже ят Его, яко не у бе пришел час Его*. об этом часе отшествия из мира в превечную славу свою Господь,

продолжая беседу сказал: *Аз иду, и взыщете Мене и во гресе вашем умрете; аможе Аз иду, вы не можете прити.* он хотел, с одной стороны, «потрясти и устрашить души их, а с другой – научить их, что это дело (т. е. смерть Его) не зависит от их насилия, но что еще задолго он предызобразил его» (свт. Иоанн Златоуст). Эти слова были поняты иудеями в привратном смысле, и они со злой насмешкой заметили: *еда Ся Сам убиет, яко глаголет: аможе Аз иду, вы не можете прити?* Для самоубийц, по мнению раввинов, было предназначено последнее отделение геенны (шеол) – самое мрачное; иудеи думали, что они, как потомки авраама, будут в месте блаженства – на лоне его, а не там, где грешники, и притом такие тяжкие, каковы самоубийцы. оставив эту насмешку без прямого ответа, Господь Иисус Христос указал своим совопро-сникам на причину их глумления: *вы от нижних есте, Аз от вышних есмь; вы от мира сего есте, Аз несмь от мира сего. Рех убо вам, яко умрете во гресех ваших: аще бо не имете веры, яко Аз есмь, умрете во гресех ваших*. Чувственные, земные помыслы служили для них непреодолимым препятствием спасительной веры во Христа как Мессию. но *Ты Кто еси?* – настаивали иудеи, желая слышать от господа подробное объяснение о происхождении Его и достоинстве. *Начаток, яко и глаголю вам*, – таков был решительный ответ Иисуса Христа, – *многа имам о вас глаго-лати и судити* по причине ожесточенного неверия, какое выказываете к Моим словах, между тем как слова Мои – откровение Божие: *пославый Мя истинен есть, и Аз, яже слышах от Него, сия глаголю в мире*. иудеи не поняли, что Господь говорил им о Боге отце. несмотря на это, он возвестил им, что будущие события – крест, воскресение и вознесение на небо – с непререкаемой силою убедят неверующих в Божественном посланничестве Его: *егда вознесете* на крест *Сына Человеческаго, тогда уразумеете, яко Аз есмь и о Себе ничесоже творю, но, якоже научи Мя Отец Мой, сия глаголю, и Пославый Мя со Мною есть: не остави Мене единаго Отец, яко Аз угодная Ему всегда творю.*

Эта речь господа Иисуса Христа, в которой он решительно указал на себя как на Мессию, произвела на многих сильное впечатление. они уверовали в него, но эта вера – плод мгновенного озарения ума и сердца – не была твердой и глубокой. Посему, желая укрепить и углубить в них веру, Господь, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «пронзает душу их словами самыми разительными». они должны были убедиться, что горделивая мысль о происхождении от авраама, а также мечтательные ожидания освобождения от ненавистного ига иноплеменного, – все эти мнимые преимущества и земные надежды ничего не имеют общего с учением Евангелия. *Аще вы пребудете во словеси Моем, воистинну ученицы Мои будете, и уразумеете истину, и истина свободит вы* от самого тяжкого и ужасного ига нравственного, с которым никакое другое сравниться не может. Думая, что он говорит об освобождении от рабства мирского, и в пылу страстного увлечения забыв о рабстве египетском, времени судей, вавилонском и даже теперешнем римском, иудеи сказали: *семя Авраам-ле есмы* – семя, которому обетовано преимущество пред всеми народами (Быт. 22, 18), – *и никомуже ра-ботахом николиже: како ты глаголеши, яко свободни будете?* такую хвастливую ложь Господь оставил без обличения, потому что, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «говорил не для состязания с ними, но для их спасения и пользы»; в своем ответе он только подтвердил и дополнил прежнюю мысль: *аминь, аминь глаголю вам: яко всяк, творяй грех, раб есть греха,* – вот то рабство, от которого истина делает свободным верующих. и что эта истина освобождает пленников греха через самосущую и ипостасную истину – господа Иисуса Христа, он пояснил выразительным образом заимствованным из домашней жизни тогдашнего семейства: *раб не пребывает в дому во век, сын пребывает во век; аще убо Сын вы свободит, воистинну сво-бодни будете*.

Отвечая далее на хвастливое заявление иудеев о происхождении от авраама, Господь указал им на такое обстоятельство, которое до очевидности показывает, как далеки они от своего родоначальника по духу и вере: *вем, яко семя Авраамле есте, но ищете Мене убити,*

яко слово Мое не вмещается в вы. Аз, еже видех у Отца Моего, глаголю, и вы, еже видесте у отца вашего, творите. но иудеи, не понимая, о каком другом отце их говорил Господь, продолжали утверждать: *отец наш Авраам есть.* тогда Иисус Христос еще яснее выразил свою мысль: *аще чада Авраамля бысте были, дела Авраамля бысте творили. Ныне же ищете Мене убити, человека, иже истину вам глаголах, юже слышах от Бога: сего Авраам несть сотворил. Вы творите дела отца вашего*. выражение *человека*, по изъяснению святителя Афанасия Александрийского, нужно разуметь о том «господнем, спасителевом Человеке, которого Бог слово восприял на себя от колена иудина». иудеи теперь лишь поняли, что Господь говорил не о плотском, а о духовном сыновстве аврааму и подумали: не признавая их духовного сродства с Авраамом, не отрицает ли он также и того, что они – почитатели истинного Бога? не чтить Бога иегову значит впадать в язычество, которое на живописном языке древних святых пророков называется прелюбодеянием (ис. 1, 21; 57, 3; ос. 1, 2; 2, 4 и др.), как измена своей вере и закону. иудеи, смотревшие на язычников с пренебрежением, не допускали и мысли о том, чтобы можно было поставить их наряду с неведущими Бога идолопоклонниками: *мы от любодеяния несмы рождени; единаго Отца имамы Бога*. но, отстранив их от сродства с авраамом, Господь показал, что это утверждение их неверно, и опять на том же самом основании: *аще Бог Отец ваш бы был, любили бысте убо Мене, Аз бо от Бога из-ыдох и приидох в мир, не о Себе бо приидох, но Той Мя посла.*

Объясняя причину этой вражды, Господь, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «нанес им рану, равную их бесстыдству», и указал того отца, с которым они имели духовное сродство. *Почто беседы Моея не разумеете? – яко не можете слыша-ти словесе Моего. Вы отца вашего диавола есте и похоти отца вашего хощете творити, он человекоубийца бе искони и во истине не стоит, яко несть истины в нем: егда глаголет лжу, от своих глаголет, яко ложь есть и отец лжи*. Эти обличительные слова были обращены вообще к иудеям, которые, в крайнем ослеплении ума и сердца, отвергли Христа спасителя, несмотря на животворную проповедь и поразительные чудеса Его. они более возлюбили тьму, нежели свет (Ин. 3, 19), следуя внушениям духа зла, который, отпав от Бога, по зависти ложью склонил прародителей всего человечества ко греху и сделался человекоубийцею, потому что грехом вошла в мир смерть (Рим. 5, 12). все принадлежащие к темной области врага Божия, по самому существу своих склонностей и стремлений, не могут любить истины и провозвестников ее. *Аз же зане истину глаголю, не веруете Мне*, – продолжал Господь, – *кто от вас обличит Мя о гресе?* только сама святость могла так спрашивать своих ожесточенных врагов, которые не могли открыть лживых уст перед очевидностью. *Аще ли истину глаголю, почто вы не веруете Мне? Иже есть от Бога, глаголов Божиих послушает; сего ради вы не послушаете, яко от Бога несте*. на эти слова, проникнутые неотразимой силою убеждения, злобные совопросники отвечали новой бесстыдной ложью: *не добре ли мы глаголем, яко самарянин еси Ты и беса имаши?* называя спасителя самарянином, и притом беснова-тым, не хотели ли они подорвать доверие к нему в народе, который ненавидел сама-рян, как отщепенцев от веры отцов? с кротостью и спокойствием, свойственными самой истине, Господь ответствовал им: *Аз беса не имам, но чту Отца Моего, и вы не чтете Мене: Аз же не ищу славы Моея, – есть ища и судя.* так, по апостолу, *укоряемь противу не укоряше, стражда не прещаше, предаяше же судящему праведно* (1 Пет. 2, 23)! и опять с той же кротостью и спокойствием указал врагам своим путь к жизни вечной: *аминь, аминь глаголю: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать видети во веки.* но иудеи, не поняв слов Иисуса Христа и думая, что он говорит о смерти естественной, рассчитывали привести Его в затруднение ссылкой на авраама и других пророков, которые беседовали с Самим Богом и, тем не менее, не могли избежать смерти: *ныне разумехом, яко беса имаши: Авраам умре и проро-цы, и Ты глаголеши: аще кто слово Мое соблюдет, смерти не имать вкусити во веки. Еда Ты болий еси отца нашего Авраама, иже умре и пророцы умроша? Кого Себе Сам*

Ты твориши? – они как бы видя не видели и слыша не слышали, и не разумели (Мф. 13, 13), и в упорстве неверия считали господа простым человеком (Ин. 10, 33), Галилеянином (7, 41), сыном плотника (Мф. 13, 55) и плотником (Мк. 6, 3). в словах их слышался злобный упрек в самопревозношении, который Господь отклонил решительным объяснением о своем Божественном посланничестве, напомнив им и о своем несравнимом превосходстве перед авраамом: *аще Аз славлюся Сам, слава Моя ничесоже есть*, говорил, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, применяясь к их мнению, – *есть Отец Мой славяй Мя, Егоже вы глаголите, яко Бог ваш есть, и не познасте Его, Аз же вем Его. И аще реку, яко не вем Его, буду подобен вам ложь, но вем Его и слово Его соблюдаю. Авраам, отец ваш, рад бы был, дабы видел день Мой: и виде, и возрадовася.*

Не сподобившись зреть телесными очами и слышать телесными ушами то, что зрели и слышали современники спасителя, как он при другом случае и заметил это (Мф. 13, 17), пророки и праведники ветхого Завета, по толкованию святого апостола, *по вере умроша, не приемше обетований, но издалеча видевше я, и целовавше* (Евр. 11, 13), видели верою. так, авраам, радостно предусматривая благодатные времена нового Завета в тех великих обетованиях, которые были даны ему Богом (Быт. 12, 2; 13, 16; 15, 5; 17, 7; 18, 18; 22, 17–18; ср. рим. 4, 9, 18), видел день господень в прообразовательном принесении сына своего исаака в жертву, и не только, по выражению того же святого отца, «день креста», но также и день воскресения: «видел он сей вожделенный день особенно тогда, когда исаака, в течение трех дней приносимого в жертву в сердце намерением, наконец действительно на жертвеннике, на дровах всесожжения, под жертвенным ножом, под смертоносной рукой лежащего, по выражению апостола, получил в предзнаменование (Евр. 11, 19), т. е. вновь получил живого в предзнаменование будущего из мертвых воскресения Христова, тридневного, после видимого на кресте заклания и внутреннего всесожжения». Указание на авраама и знаменательный день, виденный им, иудеи поняли в том смысле, что Господь делает себя современником этого патриарха, и с горечью заметили Ему: *пятидесять лет не у имаши, и Авраама ли еси видел? – Аминь, аминь глаголю вам*, – отвечал им Господь, усиленным выражением обращая особенное внимание их на свою речь, – *прежде даже Авраам не бысть, Аз есмь*. слыша такие слова, свидетельствовавшие о вечном бытии господа Иисуса Христа, иудеи пришли в ярость: в порыве бешенства, намереваясь наказать мнимое богохульство смертью, они схватили каменья, но среди шума и тревоги не заметили, как спаситель скрылся в толпе народа и удалился из храма.

Исцеление слепорожденного Ин. 9, 1–41

После этой беседы, возбудившей яростный гнев врагов господа Иисуса Христа, он желал вразумить их поразительным чудом исцеления слепорожденного, проявив в себе творческую власть над человеческим естеством. Проходя, Он увидел человека, о котором было известно, что он слеп от самого рождения. всегда милосердый, всегда внимательный к страждущим, спаситель, в этот раз имея в виду особенную цель, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «так пристально посмотрел на него, что обратил внимание учеников». сам Божественный Учитель по исцелении расслабленного указал на ту связь, какую иногда имеют грехи с болезнями (Ин. 5, 14), да и вообще несчастья были почитаемы наказанием за грехи (Лк. 13, 1–5). Ученикам казалось несомненным, что и в этом случае слепота была следствием какого-либо греха: только они недоумевали, на ком лежала здесь вина – на самом несчастном или на родителях его. Первое предположение могло быть заимствовано из ходившего в народе мнения законников о том, что злые пожелания уже действуют в младенце, находящемся в утробе матери а второе – на ясных выражениях Пятикнижия, что Бог наказывает детей за вину отцов до третьего и четвертого рода, ненавидящих Его (Исх. 20, 5; 34, 7; Втор. 5, 9). За решением недоумения ученики обратились к своему Учителю: *Равви, кто согреши, сей ли или родителя его, яко слеп родися?* не отрицая греховности ни слепорожденного, ни родителей его, не называя их вообще безгрешными, Господь сказал, что никто из них не повинен в каком-либо особенном грехе, повлекшем за собою такое тяжкое наказание, и что причина слепоты сокрыта в тайнах Промысла Божия: *ни сей согреши, ни родителя его*, но это для того, *да явятся дела Божия на нем*, т. е. «настоящая слепота его не есть наказание за грехи, а недостаток природный», который будет иметь следствием то, что узнают через него, «что Иисус Христос не простой человек, но всемогущий Бог» (свт. афанасий александрийский), или, как выражается преподобный исидор Пелу-сиот, «природа допустила недостаток, чтобы проповедан был Художник». Помощь этому несчастному есть одно из тех благотворных дел, от которых человеколюбивый Господь никогда не отрекался, особенно же теперь – в предведении приближающегося отшествия своего от мира. Пользуясь образом солнца, склоняющегося к закату, он указал в себе истинный свет, просвещающий и чувственно, и духовно, – свет Божественный, сияющий вечно, но для очей ближайших современников ограниченный временем дня Христова: *Мне подобает де-лати дела Пославшаго Мя, дондеже день есть: приидет нощь, егда никтоже может делати. Егда в мире есмь, свет есть миру*. «Много, поистине, – замечает святитель Филарет Московский, – надлежало сделать господу, твердо дела свои основать, искусно совершить, чтобы бурная ночь не разрушила без остатка всего, что им было созидаемо, – и сие-то провидя, Господь поспешал делать, пока есть день».

Приступая к исцелению слепорожденного, Господь наш употребил знаменательное действие, он не исцелил его всемощным словом своим, как впоследствии иерихонского слепца (Лк. 18, 42), или прикосновением и плюновением, как слепцов в Десятиградии и вифсаиде (Мк. 7, 33; 8, 33), но, желая показать на деле, что он, творец, создавший человека из персти, плюнул на землю, сделал брение из плюновения и помазал брением глаза слепому. «Помазывая брением, – по выражению святителя афанасия александрийского, – совершает подобное подобным, чтобы все видели, что он есть Художник и адамова тела». Потом послал слепого к силоамскому источнику умыться: *иди, умыйся в купели Силоамсте*, по замечанию того же отца, «не потому, что Господь силоама имел нужду в силоаме, но для того, чтобы за слепым последовали видящие и невидящий сделался вождем для видящих, чтобы они, идя с ним, были свидетелями чуда». Посылая к источнику слепца с глазами, помазанными бре-

нием, Господь, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «наперед приготовляет дальностью пути многих свидетелей, а необычайностью зрелища – внимательных зрителей, чтобы они хорошо заметили человека». слепорожденный, веруя словам господа, не возражал и не рассуждал сам с собою: что это такое? будет ли это в пользу? – он не медлил, пошел, умылся и по силе своей веры получил зрение.

Когда прозревший слепец возвратился в город, то появление его возбудило общее удивление. Все знали этого человека таким, каким он был до чудесного события – слепым; все видели его каждый день на известном месте просящим милостыню, – и теперь едва верили глазам своим. начались толки и пересуды. соседи и видавшие его прежде спрашивали друг друга: *не сей ли есть, седяй и просяй?* иные говорили: *сей есть*, а другие: *подобен ему есть*. необычайность события приводила их даже к неверию, несмотря на то, что сделано было так много, чтобы устранить неверие. сам прозревший уверял всех: *аз есмь*. тогда обратились к нему с вопросом: *како ти отверзостеся очи?* и прежний слепец передал им в коротком рассказе то, что совершилось: *человек, нарицаемый Иисус, брение сотвори и помаза очи мои, и рече ми: иди в купель Силоамлю и умыйся, шед же и умывся, прозрех*. назвав господа человеком, он показал еще недостаток истинного ведения, которое раскрывалось в нем постепенно – до признания спасителя Пророком (ст. 17), посланным от Бога (ст. 33), и только самим Иисусом Христом было доведено до полноты веры (ст. 38). Далее спросили у слепца: *где Той есть?* – «уже, – по выражению святителя Иоанна Златоуста, – замышляя против него убийство», – и т. к.прозревший не мог удовлетворить любопытству их и не знал, где Христос, то, для более строгого допроса, повели его к фарисеям. Дело представлялось необычайным не только само по себе, но и потому, что было совершено в субботу, – в день покоя, когда, по ложному мнению фарисеев, перешедшему и в народ, нельзя было даже исцелить болящего (Мф. 12, 10; Мк. 3, 2; Лк. 13, 14; ин. 5, 16).

В собрании фарисеев прозревший сказал о своем исцелении коротко и ясно, предполагая, что дело уже известно им из рассказа других: *брение положи мне на очи, и умыхся, и вижу*. При суждении о таком необычайном событии мнения еврейских законников разделились: между ними возник большой спор, дошедший до распри. Приверженцы субботнего покоя, по превратному толкованию «преданий», не веруя в Божественное посланниче-ство иисуса Христа, отвергали и самое чудо: *несть Сей от Бога Человек, яко субботу не хранит*, а другие, более умеренные, не отрицая действительности чудного события, находили себя вынужденными признать святость Чудотворца: *како может человек грешен сицева знамения творити?* При этом вопрос о субботе терял уже свое значение. такое несогла-симое противоречие мнений ставило фарисеев в безвыходное положение, так что они решились обратиться к самому прозревшему в надежде, что дальнейшие объяснения его дадут им возможность заподозрить или перетолковать чудо. *Ты что глаго-леши о Нем*, – спросили у исцеленного, – *яко отверзе очи твои?* и этот человек, испытавший на себе чудо милосердия Божия, небоязненно исповедал: *Пророк есть*. но враждебные господу иудеи, несмотря на такое ясное уверение самого слепца в чудесном исцелении своем, упорствовали в неверии и решились призвать родителей его. они хитро рассчитывали, что простые люди, напуганные допросом, поймут, чего от них ждут, и помогут окончить дело согласно с желаниями их. когда родители пришли в собрание, то им предложили сразу три вопроса и притом в таком виде, что не трудно было догадаться, какого желали бы ответа на эти вопросы: *сей ли есть сын ваш;* правда ли, что *вы глаголете*, будто он *слеп родися, и како ныне видит?* Фарисеи думали, что родители из опасения подвергнуться преследованию за правдивое показание или отрекутся от своего сына и тогда исцеленного можно почесть только подобным ему, или признают, что он не был слепым, или же, наконец, в случае утвердительного ответа на эти вопросы, дадут новое показание об исцелении его – несогласное или даже противоречащее показанию самого слепца. но родители прозревшего, зная, что иудеи уже сговорились отлу-

чать от синагоги всякого, кто даст свидетельство в пользу Иисуса Христа, отвечали на хитрые вопросы не менее тонко и хитро. из ответа их фарисеи не могли извлечь для себя ничего особенно благоприятного, так что поразительное чудо, которое эти враги господа хотели извратить и затмить пристрастным показанием, по-видимому, надежных свидетелей, опять предстало взорам их во всем величии. *Вемы*, – так говорили родители исцеленного, – *яко сей есть сын наш и яко слеп родися, како же ныне видит, не вемы, или кто отверзе ему очи, мы не вемы: сам возраст имать, самого вопросите, сам о себе да глоголет*. самый главный вопрос они оставили без ответа, и фарисеи опять, для разъяснения, должны были обратиться к прозревшему. вторично призвали этого человека и, думая подействовать на него речью, проникнутой, как казалось, ревностью о славе Божией и искренним убеждением знания, сказали ему: *даждь славу Богу – мы вемы, яко Человек Сей грешен есть*. Этим выражением, которое усилено призыванием имени Божия (нав. 7, 19), они приглашали прозревшего дать более верное показание и согласиться с ними относительно того обстоятельства, что нарушать покой субботнего дня – грех, и что нарушитель его – грешник, а посему и не может совершить чуда. исцеленный слепец, не вдаваясь в спор с самопрельщенными мудрецами, в простоте души противопоставил уверению их неоспоримую истину самого события: *аще грешен есть, не вем: едино вем, яко слеп бых, ныне же вижу*. Фарисеи опять желали слышать об обстоятельствах исцеления в той надежде, что бывший слепец, может быть как-нибудь обмолвится и даст им новый повод заподозрить чудо: *что сотвори тебе, како отверзе очи твои?* Уверенность в правоте своего дела и видимое затруднение, в какое поставили себя лицемерные судьи, внушили прозревшему такое мужество, что он обратился к ним с речью, проникнутой горьким упреком: *рекох вам уже и не слышасте: что паки хощете слышати? Еда и вы ученицы Его хощете быти?* такой ответ, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «выказал в исцеленном слепце душу дерзновенную, возвышенную и презирающую бешенство врагов». тяжко было слышать эти слова людям, согласившимся уже отлучать от синагоги всех, признававших Христа. они заметили ему с негодованием: *ты ученик еси Того, мы же Моисеовы есмы ученицы*, мы – книжники, учители и руководители народа – *мы вемы, яко Моисеови глагола Бог, сего же не вемы, откуду есть*. Устами фарисеев говорила гордость, ослепившая их до такой степени, что они считали себя самыми верными последователями Моисея, несмотря на то, что разными произвольными толкованиями извратили закон, данный через него Богом.

Не входя в спор с горделивыми мудрецами, бывший слепец еще с большей смелостью выставил против ученых доказательств их простые соображения здравого смысла как последнее, самое веское слово защиты и себя, и Целителя своего от незаслуженных нареканий: *о сем бо дивно есть, яко вы не весте, откуду есть, и отверзе очи мои. Вем же, яко грешники Бог не послушает, но аще кто богочтец есть и волю Его творит, того послушает. От века несть слышано, яко кто отверзе очи слепу рождену: аще не бы был Сей от Бога, не мог бы творити ничесоже*. Фарисеи не могли не чувствовать той необоримой силы доказательства, какая была скрыта в этом изъяснении «проповедника истины» (свт. Иоанн Златоуст), но скоро в них заговорило оскорбленное самолюбие: убогий неуч, не ведущий закона, дерзает учить таких известных и многоопытных знатоков, каковы они! *Во гресех ты родился еси весь*, – вскричали они в яростном негодовании, – *и ты ли ны учиши?* и выгнали его вон из своего собрания.

Чудо исцеления слепорожденного имело целью просвещение не телесных только, но и духовных очей его – через веру во Христа. Поэтому Господь, услышав об изгнании прозревшего из синагоги, а также, вероятно, и о твердости его, нашел своего исповедника и спросил его: *ты веруеши ли в Сына Божия?* исцеленный, в порыве благодарного чувства, отвечал Ему, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «гласом души любящей и усильно ищущей»: *и кто есть, Господи, да верую в Него?* Прозревший слепец, видевший своего

Целителя, быть может, смутно чувствовал, что он есть истинный Мессия, и теперь получил окончательное уверение от самого господа: *и видел еси его, и глаголяй с тобою, Той есть*. – *Верую, Господи*, – радостно отозвался бывший слепец и поклонился своему Благодетелю не просто как человеку, но как Мессии, сыну Божию, исповедуя Божественную силу Его. такая вера слепорожденного и упорное неверие фарисеев, не вразумившихся поразительным чудом всемогущества Божия, побудили господа высказать общее замечание о действии Его явления в мире: *на суд Аз в мир сей приидох, да невидящии видят и ви-дящии слепы будут*. как вечный и ипостасный свет, он воссиял всему миру, но это сияние сделалось *судом* для мира: оно просветило очи *невидящих* и ослепило очи *видящих*. Простые, смиренные люди, сознав свою нищету духовную, обратились к истине Евангельской и духовно прозрели во Христе а гордые своей мудростью книжники и фарисеи, говорившие: *мы вемы* (ст. 24, 29), духовно ослепли и не избежат осуждения в день осуждения суда. Услышав замечание господа, некоторые из фарисеев, бывших с ним, с удивлением, а, быть может, и насмешкой сказали: *еда и мы слепи есмы? – Аще бы-сте слепи были*, – отвечал им спаситель, – *не бысте имели греха: ныне же глаголете, яко видим, грех убо ваш пребывает*, т. е. если бы вы, не зная Писания, отвращались от истины по неведению, тогда ваша слепота – умственная и нравственная – «облегчила бы для вас наказание» (Беседа на Евангелие Иоанна, ч. 2. с. 306.) и грех ваш был бы грехом неведения, а т. к. вы, *почивая на законе* (Рим. 2, 17), можете видеть знамение времени и признать во Мне Мессию, и между тем, не делаете этого по упорству, то грех ваш есть грех сознательного противления истине: он остается на вас и останется, потому что, пока продолжается состояние ожесточения, истина для вас недоступна.

Слово о добром Пастыре
Ин. 10, 1–21

Вслед за грозным обличением духовно слепот-ствующих фарисеев, Господь наш Иисус Христос в иносказательной речи представил им, что они не истинные руководители и учители народа, а скорее вредоносные губители, отвращающие вверившиеся им души от единого Пастыря Христа. образ, которым пользуется небесный Учитель, заимствован от пастушеской жизни на востоке. Для безопасности от разбойников и хищных зверей пастухи обыкновенно загоняли свои стада на ночь в обширное, огороженное стеной пространство; к двери становился вооруженный страж, который не впускал в овчарню неизвестных и подозрительных людей. Утром приходили к этому загону пастухи, проводившие ночь в окрестности: знакомым голосом каждый звал своих овец, которые выходили из ограды и вслед за своим пастухом отправлялись на пастбище. вне овчарни стадо было уже небезопасно от нападения зверей, но тут-то, среди опасности, видно было, кто истинный хозяин стада и кто только наемный пастух: хозяин защищал стадо, не щадя своей жизни, а наемник, заметив приближающегося хищного зверя, оставлял овец и убегал. Применительно к этим обычаям, понятным для людей, близких к сельскому быту, каковы и были слушатели господа, он сказал: *аминь, аминь глаголю вам: не входяй дверми во двор овчий, но прелазя инуде, той тать есть и разбойник, а входяй дверми, пастырь есть овцам. Сему дверник отверзает, и овцы глас его слышат, и своя овцы глашает по имени, и изгонит их. И егда своя овцы ижденет, пред ними ходит и овцы по нем идут, яко ведят глас его, по чуждем же не идут, но бежат от него, яко не знают чуждаго гласа*.

Фарисеи не поняли, о чем он говорил, не уразумели смысла этого иносказания, направленного против них, а посему в дальнейшем течении речи спаситель прямо указал им на себя как на единственную дверь, которою только и можно прийти к стаду Божию, и как на истинного Пастыря, которому должны подражать все пастыри и руководители народа Божия. *Аминь, аминь глаголю вам, яко Аз есмь дверь овцам: вси, елико их прииде прежде Мене, татие суть и разбойницы, но не послушаша их овцы.* Эти воры и разбойники, не входящие дверью, а прела-зящие инуде, – не те истинные и призванные Богом руководители народа, как, например, святые пророки, которые проповедовали откровенное учение Божие и приготовляли путь Христу, но ложные и самозванные учителя, развращавшие народ, и в частности, фарисеи: «сказано, – замечает преподобный исидор Пелусиот, – не о пророках и не о законе, но о лжепророках». словесные овцы стада Божия, истинные израильтяне, с верою ожидавшие и приявшие Христа, не послушали голоса их. Усиливая свое слово повторением, Господь продолжал: *Аз есмь дверь; Мною аще кто внидет, спасется, и внидет, и изыдет, и пажить обрящет*. в благодатном Царстве Христовом верующий получает удовлетворение всех высших потребностей духа: на тучной пажити слова Божия и святых таинств веры он обретает истинную духовную пищу и истинное питие, которыми укрепляется и достигает жизни вечной. Прилагая к себе образ пастыря, Господь противопоставил себя, по выражению святителя василия великого, «тем, к кому тогда обращал речь, пастырям-наемникам, не ради истины, но ради собственной корысти приявшим на себя власть пастырства». «наемник, занимая место пастыря, пользы душ не ищет, жаждет земных выгод, увеселяется почестями высокого достоинства, услаждается временными корыстями, утешается людским уважением» (св. григорий Двоеслов). незаслуженно пользуясь своим положением, он то же, что вор пагубный в своих действиях. *Тать не приходит, разве да украдет и убиет и погубит: Аз приидох, да живот имут и лишше имут*, чтобы, как говорит в другом месте святой евангелист, прияли *благодать возблагодать* (Ин. 1, 16). *Аз есмь Пастырь добрый: Пастырь добрый душу свою полагает за овцы, а наемник, иже несть пастырь, емуже не суть овцы своя,*

видит волка грядуща, и оставляет овцы, и бегает, и волк расхитит их и распудит овцы, а наемник бежит, яко наемник есть и нерадит о овцах.

Так и во вдохновенных предсказаниях древних святых пророков чаемый Мессия представляется Пастырем, пасущим стадо свое (ис. 40, 11), пересматривающим и собирающим овец своих (иез. 34, 12–13), руководящим их в заповедях и уставах Божиих (37, 24). Между этим добрым Пастырем и овцами Его тесное взаимное общение, – отображение того единения, какое находится между Богом отцом и Единородным сыном Его. *Аз есмь Пастырь добрый и знаю Моя и знают Мя Моя: яко-же знает Мя Отец, и Аз знаю Отца, и душу Мою полагаю за овцы.* и взору Богочеловека открывается, как спасительные плоды этого жертвоприношения в течение веков распространятся не на иудеев только, но и на язычников, которые, находясь вне двора овчего, не лишены промышления Его: *и ины овцы имам, яже не суть от двора сего, и тыя Ми подобает привести, и глас Мой услышат, и будет едино стадо и един Пастырь*. Это единение человеческого рода под главенством вечного Пастыря Христа достигается постепенным обращением в христианство язычников, за которым последует, по пророчеству святого апостола Павла, *весь Израиль* (Рим. 11, 25–26); окончательно же совершится оно тогда, когда настанет *исполнение времен, возгла-вити всяческая о Христе, яже на небесех и яже на земли* (Еф. 1, 10). Пожертвование жизнью за спасение мира и, в частности, тех словесных овец, которых отец *даде* Ему (Ин. 17, 6), спаситель представляет, со своей стороны, делом совершеннейшей свободы, – исполнением воли отца своего, которая, вместе с тем, есть Его собственная воля: *сего ради Мя Отец любит, яко Аз душу Мою полагаю, да паки приму ю. Никтоже возмет ю от Мене, но Аз полагаю ю о Себе: область имам положити ю, и область имам паки прияти ю. Сию заповедь приях от Отца Моего.*

Между иудеями, слушавшими господа, опять произошла распря, мнения разделились – и многие, без сомнения, злые враги Его и преимущественно фарисеи, замечая, что он учит о себе как Мессии, и не веруя Ему, приняли слова Его за бессвязную речь безумного: *беса имать и неистов есть, – что Его послушаете?* Досадно им было видеть, как благотворно подействовала речь Его на людей менее предубежденных, с сердцем более чистым и открытым для восприятия истины. и самые слова господа, проникнутые неотразимой силою убеждения, и поразительное чудо исцеления слепорожденного, совершенное у всех на глазах, служили для людей беспристрастных достаточным основанием, по которому они не могли согласиться с приговором ослепленных врагов господа: *сии глаголи не суть беснующагося: еда может бес слепым очи отверсти?*

Учение о единосущии с Богом Отцом Ин. 10, 22–39

Наступил зимний праздник обновления храма, продолжавшийся восемь дней, начиная с 25-го числа месяца кислева (около половины декабря). спаситель, посетив храм, ходил в притворе соломоновом, занимавшем восточную сторону внешней храмовой ограды. иудеи, зорко следившие за тем, кто был для них предметом пререканий (Лк. 2, 34), скоро нарушили уединение Его. они видели, что вблизи господа нет ни учеников, ни толпы народа, и поспешили воспользоваться удобством времени и места: обступив Его со всех сторон, решились не выпускать Его из своего круга до тех пор, пока он не ответит ясно и определенно на тот вопрос, который лежал на сердцах их тяжелым камнем. Быть может, это был светлый луч искреннего стремления к истине, мимолетно озаривший мрачные души людей, враждебно настроенных к Провозвестнику истины. *Доколе души наша вземле-ши?* – говорили они. – *Аще Ты еси Христос, рцы нам не обинуяся*. но сказать прямо, что он Мессия, Господь не мог, потому что с понятием Мессии иудеи соединяли чувственные и земные представления о мирском могуществе; еще менее он мог отвечать отрицательно, потому что действительно был обетованный и давно ожидаемый Мессия; выяснением же истинного понятия о Мессии и несбыточности тех мечтательных ожиданий, какие иудеи составили себе о временах Мессии, он вызвал бы в со-вопросниках своих взрыв негодования, который прекратил бы беседу. не отвечая прямо на решительное требование иудеев, спаситель дал им понять, что предложенный ими вопрос давно уже решен собственной проповедью Его о Себе и непреложным свидетельством чудных дел, совершаемых во имя отца небесного. Притом, с особенной убедительностью указывая на единосущие свое с Богом отцом, он противопоставил безотрадному состоянию упорного неверия своих собеседников блаженство веры истинных последователей своих, под охраною всемогущей десницы Божией безопасно достигающих вечного спасения. *Рех вам, и не веруете, – дела, яже Аз творю о имени Отца Моего, та свидетельствуют о Мне.*

Припоминая недавно произнесенную, весьма живописную и поразительную притчу о добром Пастыре и овцах, где так наглядно представлены отношения взаимности, какие естественно устанавливаются между Ним и последователями Его, спаситель продолжал: *вы не веруете, несте бо от овец Моих, якоже рех вам. Овцы Моя гласа Моего слушают, и Аз знаю их и по Мне грядут. Аз живот вечный дам им, и не погибнут во веки, и не восхитит их никтоже от руки Моея*. «когда слышишь слово: *рука*, – толкует святитель Иоанн Златоуст, – не представляй себе ничего чувственного, но разумей силу и власть». и эта власть, превышающая всякое могущество человеческое, принадлежит Ему наравне с Богом отцом: *Отец Мой, Иже даде Мне, бо-лий всех есть, и никтоже может восхитити их от руки Отца Моего.* Господь называет отца своего *большим*, «поколику он – отец, виновник и начало» (свт. василий великий), а относительно же общих свойств Божества они совершенно равны, ибо, – замечает святитель кирилл александрийский, – «если никто равно не может исхитить ни из руки сына, ни из руки отца, то здесь нет места большему; и как, потому что отец *болий всех*, никто не может исхитить из руки Его, так и сын *болий всех*, потому что точно так же никто не может исхитить и из Его руки». наконец, чтобы еще яснее представить истину своего единосущия с отцом, спаситель высказал решительно: *Аз и Отец едино есма*, – «*едино* по Божескому достоинству, потому что Бог родил Бога, – *едино* по царственной власти, потому что не над иными царствует отец, а над иными сын, – *едино*, потому что нет между ними никакого разногласия, разделения, не иные изволения у отца, а иные у сына, – *едино*, потому что не иные создания Христовы, а иные отчие, но одно создание всяческих, все сотворил отец чрез сына» (свт. кирилл Иерусалимский).

Такая ясная речь Иисуса Христа, устраняющая всякие недоразумения, привела иудеев в ярость. они сочли ее богохульством и, желая наказать мнимое преступление на самом месте, схватили каменья, чтобы побить Его. но Господь не уклонился от своих противников, как делал прежде и после этого случая (Ин. 8, 59; 10, 39), и предложил им такой вопрос, который заставил врагов истины невольно смириться перед силою слова Его: *много добра дела явих вам от Отца Моего: за кое их дело камение мещете на Мя?*

Тогда иудеи, косвенно и как бы нехотя признав дела Его благотворными, обнаружили в себе тяжкий душевный недуг – неверие: *о добре деле камение не мещем на Тя, но о хуле, яко Ты человек сый, твориши Себе Бога.* в ответ на такое обвинение Господь желал приблизить великую истину к ослепленному уму своих собеседников и сослался на такие доказательства, которые были вполне понятны им. вместе с тем, раскрыв перед неверующими иудеями с премудрой постепенностью одну из главнейших таин новозаветного откровения, он сделал их безответными перед судом правды Божией. *Несть ли писано в законе вашем: Аз рех, бози есте? Аще оных рече богов, к нимже слово Божие бысть, и не может разоритися писание, Егоже Отец святи и посла в мир, вы глаголете, яко хулу глаголеши, зане рех: Сын Божий есмь.* Упомянутое место Священного Писания читается в книге Псалмов (81, 6): но и в других книгах наименование богов нередко прилагается к людям, облеченным властью, исполнителям воли Божией (Исх. 7, 1; 21, 6; Зах. 12, 8). в этом случае, «Пи сание, именуя людей богами, – по замечанию святого Феодота, епископа анкирского, – не сравнивает истинного Бога с теми, которые суть ничто, но называет людей сынами Божиими и богами пото-лику, поколику они, как говорит Павел, водятся Духом Божиим (Рим. 8, 14)», или, по выражению преподобного Иоанна Дамаскина, «потому что они добровольно соединились с Богом, приняли Его в жилище своего сердца и, приобщившись Его, сделались по благодати тем, чем он есть по естеству». из подобных выражений священных книг спаситель выводит заключение, что если Писание, которое непререкаемо истинно, называет праведных людей *богами* в смысле несобственном, то он, будучи истинным сыном Божиим, имеет еще большее право приложить это наименование к себе, и притом в собственном, прямом смысле. а что он подлинно сын Божий, Единосущный Богу отцу, о том свидетельствуют чудные дела, совершаемые всемогущею силою Божества. *Аще не творю дела Отца Моего, не имите Ми веры; аще ли творю, аще и Мне не веруете, делом Моим веруйте, да разумеете и веруете, яко во Мне Отец и Аз в Нем*. так как, изъясняет святитель Иоанн Златоуст, «невозможно было видеть (Божеского) существа Его, то он в доказательство равенства своего могущества (с могуществом отца) представляет равенство и тождество дел». иудеи ничего не могли возразить спасителю в ответ на слова Его, исполненные непреоборимой силы истины, но, упорствуя в неверии, опять пытались схватить Его. Попытка их осталась безуспешной и в этот раз, потому что *не у бе пришел час Его* (Ин. 7, 30): он уклонился от рук их.

Пребывание Господа за Иорданом

Ответ на вопрос о разводе
Мф. 19, 1–12; Мк. 10, 1–12; Ин. 10, 40-42

Христос спаситель, видя, как небезопасно оставаться среди ожесточенных врагов своих, и «уступая гневу их, чтобы своим отсутствием укротить и утишить их страсть» (Беседы на Евангелие Иоанна, ч. 2. с. 349), решился посетить ту страну, которая только при особенных случаях слышала слово Его. он пошел в заиорданскую область и остался на некоторое время в вифава-ре, – том месте, где Предтеча господень Иоанн вначале крестил приходивший к нему народ (Ин. 1, 28). народ, услышав о пришествии спасителя, собрался к нему – и он, по обычаю своему, учил и исцелял недужных. Покаянная проповедь великого Провозвестника Христова здесь была еще в свежей памяти: многие, приходившие к Иисусу Христу, говорили между собою, что Иоанн не сотворил никакого чуда, но все, что он предвозвещал о Христе, было истинно и оправдалось на самом деле. Это воспоминание о Предтече послужило для них наилучшим приготовлением к вере во Христа: убедившись свидетельством Иоанна, а также проповедью и чудесами самого господа, что он есть обетованный спаситель, многие там уверовали в него.

Фарисеи, очевидно, поджидали Божественного Учителя, и лишь только он появился среди них, приступили к нему с искусительным вопросом, думая уловить Его на словах: *аще достоит человеку пустити жену свою по всякой вине?* При решении этого вопроса мнения раввинов расходились заметным образом, так что приверженцы одного мнения относились с крайним пренебрежением к приверженцам другого. тогда как, по учению гиллела, муж мог разводиться с женою своею по причине неважной, – по учению Шаммаи, более строгому, развод имел законное оправдание только в случае нарушения супружеской верности со стороны жены. При таком положении дела решить вопрос, предложенный фарисеями, согласно с одним мнением значило возбудить против себя ненависть последователей другого мнения. кроме того, затруднение, в какое фарисеи желали поставить господа, еще увеличивалось тем обстоятельством, что им уже изложен был Евангельский закон о нерасторжимости брака в нагорной проповеди (Мф. 5, 32). Если бы он теперь стал утверждать, что позволительно отпускать жену, то, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, совопросники могли бы «обратить против него собственные Его слова и сказать: для чего же ты говорил прежде не так? – а если бы он стал говорить то же, что говорил прежде, могли бы противоположить ему закон Моисеев». в этом законе позволено было мужу дать жене разводное письмо в том случае, *аще не обрящет благодати пред ним, яко обрете в ней срамное дело* (Втор. 24, 1).

Но Господь Иисус Христос, возводя мысль своих слушателей к первоначальному установлению брака, не только решал спорный вопрос в самом основании его, но и указывал путь к правильному пониманию Моисеева законоположения. на вопрос фарисеев он отвечал также вопросом: *несте ли чли, яко сотворивый искони мужеский пол и женский сотворил я есть?* и еще: *сего ради оставит человек отца своего и матерь, и прилепится к жене своей и будета оба в плоть едину. Якоже ктому неста два, но плоть едина: еже убо Бог сочета, человек да не разлучает.* сотворение одной четы (Быт. 1, 27) показывает, что брачная связь есть святой, Богом установленный союз мужа и жены, который нарушить, со стороны человека, значило бы то же, что нарушить волю творца. супружеская связь даже теснее, чем самое близкое кровное родство сына с отцом и матерью, которых он оставляет и прилепляется к жене своей. Это – *плоть едина* (2, 24), а посему, как противоестественно было бы разделить

тело на две половины, так противно природе и разлучение брачной четы, состоящей из мужа и жены. таков закон брака по первоначальному установлению его. но с течением времени святость брачного союза была нарушена крайней нравственной распущенностью, и нерасторжимость его уничтожена произволом, допускавшим развод без соблюдения каких-либо ограничительных условий. Моисей, не имея возможности восстановить среди чувственных современников прежнее значение брака, старался, по возможности, ограничить зло, и узаконил, в случае развода, выдавать жене *книгу отпущения* (Втор. 24, 1). слыша от господа о нерасторжимости брака, фарисеи рассчитывали поставить Его в крайне затруднительное положение ссылкой на это узаконение Моисея: *что убо Моисей запо-веда дати книгу распустную и отпустити ю?* Иисус Христос в своем ответе объяснил им, что закон Моисеев о разводе, как позднейший, вызванный временной необходимостью, по существу своему не противоречит первоначальному установлению брака: *Моисей по жестосердию вашему повеле вам пу-стити жены ваша, изначала же не бысть тако*. «Моисей дал такой закон не по желанию противоречить Богу, но по вашему жестокосердию, чтобы вы, желая вступить в брак с другими женами, по своей жестокости не погубляли первых жен» (блж. Фе-одорит). *Глаголю же вам, яко иже аще пустит жену свою, разве словесе прелюбодейна, и оженится иною, пре-любы творит и женяйся пущеницею прелюбы деет*.

Когда пришли в дом, ученики просили господа продолжить беседу. тогда Божественный Законодатель, пришедший *не разорити закон или пророки, но исполнити* (Мф. 5, 17), повторил им закон своего духовного царства, – тот закон, который охраняет святость и нерасторжимость брака, доколе эти качества не разрушены самым делом: *иже аще пустит жену свою и оженится иною, прелюбы творит на ню, и аще жена пустит мужа и посягнет за иного, прелю-бы творит*. такая нерасторжимость брака, кроме случая прелюбодеяния, показалась ученикам, еще не вполне отрешившимся от иудейских понятий, чрезмерной тяжестью; они думали, что лучше совсем не вступать в брак, нежели связывать себя на всю жизнь со злой женою: *аще тако есть вина человеку с женою, лучше есть не женитися*. но Господь изъяснил, что безбрачие есть особый дар Божий, подаваемый не всем: *не вси вмещают словесе сего, но имже дано есть*, – т. е., присовокупляет святитель григорий Богослов, «дано призываемым и имеющим к тому расположение, дано достойным, а то, чтобы стать достойными, не только получили они от отца, но и сами себе дали». Притом безбрачная жизнь не всегда есть подвиг, имевший нравственное значение и вменяемый в заслугу: *суть бо скопцы, иже из чрева матерня родишася тако, и суть скопцы, иже скопишася от человек, и суть скопцы, иже исказиша сами себе, Царствия ради Небеснаго*. одни, имея природный недостаток, не могут вступать в брачную жизнь, но такое целомудрие, не зависящее от доброго произволения, не приносит им пользы. Другие неспособны к браку вследствие насилия и искажения природы, но и это безбрачие не есть подвиг. наконец, есть люди, которые, добровольно налагая на себя воздержание, сами себя делают скопцами. *Скопцами*, по изъяснению святителя Иоанна Златоуста, «он называет здесь не тех, которые отсекли у себя члены, а тех, которые отсекли помысл порочный и исполненный разврата, не железным ножом, но мыслию и любомудрием, при помощи Божией». таких подвижников ожидает воздаяние в небесном Царстве. Подвиг произвольного девства высок и велик, но вместе с тем и труден; а посему Господь и закончил свою беседу с учениками многознаменательными словами: *могий вместити, да вместит*, – «не сказал: *всяк*, не ввел этого в качестве заповеди», или, как выражается преподобный исидор Пелусиот, «совет сей исходит с неба, не законом поставляемый, но предлагаемый в виде увещания». в учении Евангельском, по замечанию святителя григория Богослова, «иное предписывается как необходимое, так что несоблюдающие того подвергаются опасности, другое же требуется не необходимо, а предоставлено свободному произволению, так что соблюдающие оное получают честь и награду а несоблюдающие не навлекают на себя никакой опасности». к числу евангельских советов, предложенных стре-

мящимся к высшему совершенству, относится и безбрачие, так что Иисус Христос «не принуждает к девству, не возбраняет и брака, но девство предпочитается» (блж. Феофилакт).

Благословение детей
Мф. 19, 13–15; Мк. 10, 13–16; Лк. 18, 15–17

После беседы с учениками о высоте девства Господь показал на деле, что и законное супружество, и плод этого супружества – дети – не лишены благословения Божия. в начале Своего служения он освятил своим присутствием и прославил первым чудом брак в кане Галилейской (Ин. 2, 2, 11), а теперь, в конце земного поприща, показал себя искренним Другом и Защитником слабого младенчества и незлобивого детства. Молва о пришествии спасителя скоро разнеслась по окрестности, и благочестивые матери поспешили с детьми своими к прославленному Учителю и Чудотворцу: стали приводить к нему детей и приносить младенцев для того, чтобы он возложил на них руки, прикоснулся к ним и помолился. но ученики, считая такое посещение неблаговременным или, быть может, не желая отягощать своего Учителя среди важных трудов проповеди беседою с детьми, возбраняли и не допускали приносящих. Заметив это, Иисус Христос подозвал к себе детей, а ученикам, выказавшим *ревность не по разуму* (Рим. 10, 2), сказал с негодованием: *оставите детей и не возбраняйте им прити ко Мне, тацех бо есть Царствие Бо-жие*. Урок незлобия, душевной чистоты, кротости и смирения, преподанный господом ученикам на примере дитяти (Мф. 18, 3), очевидно, был забыт ими. напоминая этот урок, он опять указал им на то, чему можно поучиться у дитяти: *аминь глаголю вам: иже аще не приимет Царствия Божия, яко отроча, не имать внити в не*. тот только войдет в Царство Божие, кто воспримет его внутрь себя (Лк. 17, 21) с таким же расположением духа, как доверчивое, невинное дитя. в этих немногих словах Господь выразил ту же мысль, которую он прежде высказывал подробнее и яснее (Мф. 18, 3–4), именно: желающий войти в Царство Его должен умалиться, подобно дитяти, и потом возрастать и утверждаться в тех прекрасных качествах, которые свойственны неиспорченному детскому возрасту. а посему, кто ближе к спасителю, как не чистые души детей? в назидание ученикам и всем своим последователям Господь принял детей со всеми знаками искренней любви: обнимал их и благословлял, возлагая на них руки.

Предание говорит, что в числе детей, которых благословил Иисус Христос, были евангелист Марк и святитель игнатий Богоносец.

Святитель игнатий был тем самым отроком, которого Иисус Христос взял на руки и сказал: *аще не приимет Царствия Божия, яко отроча, не имать внити в не* (Мф.18, 3).

Любя Христа Бога чистейшей любовью, святитель игнатий носил в сердце своем Его святое имя, непрестанно Ему молился, потому и получил наименование «Богоносец». святой игнатий был учеником святителя апостола Иоанна Богослова, был поставлен во епископа антиохийского святым апостолом Петром.

Святитель игнатий ревностно трудился во славу Божию, воспитывая вверенных ему словесных овец стада Христова. сам же он явил в своем лице все достоинства епископа: был праведен, благочестив, воздержан, целомудрен, кроток. сподобился видеть поющие Ангельские лики и первый ввел в Церкви антифонное пение.

Во время гонения на христиан, воздвигнутое императором траяном, святитель игнатий был растерзан львами в римском колизее. Чудно уцелело только сердце, внутри которого, разрезав, язычники с изумлением обнаружили написанные золотыми буквами слова «Иисус Христос» – в подтверждение наименования святого «Богоносец». Мощи святителя игнатия были перенесены в Ан-тиохию (сирию), а впоследствии возвращены в рим. Память его совершается 20 декабря/2 января и 29 января/11 февраля.

Святой Марк прославился в числе апостолов от 70-ти. Дом матери Марка, Марии, примыкал к Гефсиманскому саду, где накануне своих страданий молился Христос, и в эту ночь

святой апостол Марк следовал за ним, завернувшись в плащ, и убежал от схвативших его воинов.

Святой Марк проповедовал Евангелие в селев-кии, на кипре, в Иерусалиме, в риме. он писал Евангелие, где описал чудеса спасителя и Его Божественное всемогущество. Церковь считает Евангелие Марка Боговдохновенным.

Святой Марк в Египте основал Церковь Христову и был первым ее епископом. Проповедовал в африке, ливии, нектополе и совершил там много чудес. в александрии также творил чудеса и исцеления. Здесь же он претерпел от язычников тяжкие мучения и скончался со словами: «в руки твои, господи, предаю дух мой». язычники хотели сжечь тело святого апостола, но, когда развели костер, все померкло, раздался гром и произошло землетрясение. язычники в страхе разбежались а христиане, взяв тело святого Марка, с честью предали его погребению. Память его совершается 4/17 января и 25 апреля/8 мая.

Беседа с богатым юношей
Мф. 19, 16–26; Мк. 10, 17–27; Лк. 18, 18–27

Когда спаситель, после благословения детей, пошел в дальнейший путь, подбежал к нему один знатный юноша, который желал воспользоваться представившимся случаем для разрешения томившего его вопроса совести. он пал пред Иисусом на колена и воскликнул голосом, в котором звучала искренность: *Учителю благий, что сотворю, да живот вечный наследствую? Что благо сотворю, да имам живот вечный?* сердце его смутно чувствовало, что, кроме соблюдения законных предписаний, и притом по узкому толкованию книжников и фарисеев, требуется для высшего совершенства нечто такое, о чем умалчивали эти руководители общественной нравственности. видя, что юноша почитает Его простым человеком, Господь говорит с ним, как человек, и прежде всего дает понять, что «благо в высочайшей степени принадлежит единому Богу» (свт. григорий Богослов). *Что Мя глаголеши блага? Никтоже благ, токмо един Бог*, – говорит так, по толкованию святых отцов, «не исключая себя из естества Благаго» (свт. василий великий), но «по плоти своей и себя сопричисляя к человекам и сообразуясь с понятием пришедшего к нему» (свт. афанасий александрийский). *Аще хощеши внити в живот* вечный, *соблюди заповеди*. такой простой ответ удивил юношу; он никак не предполагал, что это – известные ему заповеди Десятословия, а посему спросил: *кия?*

Тогда, указывая ему путь спасения, начертанный в откровенном законе, Господь назвал заповеди второй скрижали – пятую, шестую, седьмую, восьмую и девятую, и присоединил общую заповедь о любви к ближним: *не убиеши, не прелюбы сотвори-ши, не украдеши, не лжесвидетельствуеши, не обиди, чти отца твоего и матерь*, – словом: *возлюбиши ис-кренняго твоего, яко сам себе*. не представляя всей *широты* Заповеди Божией (Пс. 118, 96) и понимая исполнение закона лишь с внешней стороны, юноша воображал, что он уже удовлетворил этому требованию: *Учителю, вся сия сохраних от юности моея, – что есмь еще не докончал?* видно, «евангельский юноша не против совести объявил себя сохранившим заповеди от юности своей, хотя, впрочем, можно приметить, что зеркало совести его, не очищенное и не просветленное благодатью Христовой, не довольно чисто и верно представляло ему духовный вид и достоинство его деяний» (свт. Филарет Московский). он был чужд также фарисейского самоуслаждения мнимой праведностью, потому что думал, что для приближения к Богу, для достижения царства Его недостаточно одного удаления от грубых грехов и преступлений, а нужен какой-либо подвиг более возвышенный, более достойный величия Божия. Посмотрев на юношу любящим взором, испытующим сердце, Господь видел в нем много добрых расположений, к сожалению, подавляемых страстью любостяжания, и не сокрыл от него, чего ему недостает: *еще едина-го еси не докончал, – аще хощеши совершен быти, иди, продаждь имение твое – и вся, елика имаши, – и даждь нищим и имети имаши сокровище на небеси – и при иди и ходи во след Мене, взем крест*, – говорит, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, не как повелевающий, а «как советующий и увещавающий».

Совершенная нестяжательность, так же как и безбрачие, принадлежит к числу так называемых евангельских советов, обязательных для стремящихся к высшему совершенству. Для таких самоотверженных подвижников, идущих к Царству небесному крестным путем произвольной нищеты, в замену сокровищ земных уготовано на небесах, по обетованию господа, *наследие нетленно и нескверно и неувядаемо* (1 Пет. 1, 4). но, несмотря на то, что спаситель привлекал юношу к совершенству указанием на сокровища небесные, несмотря на то, что убеждал его идти тем же путем, которым сам шел, подавая пример, пристрастная к богатству душа смутилась и опечалилась. сила слова и любви Христовой, приметно, проникала в сердце юноши: тяжело было ему расстаться с таким Учителем, не

последовать наставлению Его, однако же он не нашел в себе довольно решимости победить свою страсть – и она увлекла его. опечаленный юноша отошел от Иисуса Христа, потому что, как объясняет святой евангелист, *бе богат зело*, – отошел, быть может, с тем, чтобы уже никогда не возвращаться. «великое имение не дозволило юноше стать последователем господа, и даже, в чем почитал себя преуспевшим, обратило в ничто» (прп. Ефрем Сирин).

Удаление юноши показало, что пристрастие к богатству для многих служит непреодолимым препятствием к достижению небесного Царства. Господь, посмотрев вокруг, заметил ученикам: *како неудобь имущии богатство в Царствие Божие внидут! Аминь глаголю вам, яко неудобь богатый вни-дет в Царствие Небесное*. «Богатство, – по выражению святителя Иоанна Златоуста, – само по себе не есть ни добро, ни зло, и смотря по людям пользующимся бывает иногда тем, а иногда другим»: «душе богочестивой, – по мысли святого василия великого, – богатство служит средством делать добро через любообщительность, а душе сластолюбивой и плотолюбивой оно обращается в пособие роскоши». слова господа поразили учеников; они ужаснулись строгости этого учения. тогда он с новой силою подтвердил сказанное: *чада, како неудобь уповающим на богатство в Царствие Божие внити! Удобее бо есть вельбуду сквозе иглине уши проити, неже бо-гату в Царствие Божие внити*. «так тесен путь, ведущий в Царствие небесное, так богатство широко, обременительно и непоместительно!» (свт. Иоанн Златоуст). При этом спаситель воспользовался ходившим в то время в народе присловием для выражения чрезвычайной трудности или даже несбыточности какого-либо дела. слыша это, ученики пришли в крайнее изумление и говорили друг другу: *кто убо может спасен быти?* они сами были бедны и выражали недоумение не о себе, но о других людях, между которыми трудно было бы найти нестяжательных. Учитель небесной истины «кротким и тихим взором успокоил волнующиеся их мысли и разрешил недоумение» (свт. Иоанн Златоуст), «научая измерять дело спасения не человеческою немощью, но силою Божиею» (блж. Феофи-лакт). *У человек*, – он сказал, – *сие невозможно есть, но не у Бога – у Бога же вся возможна – и невозможная у человек, возможна суть Ему*.

Беседа с апостолами о воздаянии и притчи о делателях в винограднике Мф. 19, 27–30; Мк. 10, 28–31; Лк. 18, 28–30

Требование, предложенное спасителем богатому юноше: оставив все, следовать за ним для достижения высшего совершенства, было исполнено ближайшими учениками Его. Призванные к апостольскому служению, они оставили и то немногое, что имели, покинули свои бедные хижины, свои занятия, своих сродников, словом, – все, что могло служить препятствием на избранном ими спасительном пути. велика была любовь их ко Христу, велики и жертвы, принесенные ими. Пользуясь удобным случаем, апостол Петр желал слышать от Учителя, какое они получат воздаяние за такое самоотвержение: *се, мы оставихом вся и вслед Тебе идохом: что убо будет нам?* По замечанию святителя Иоанна Златоуста, Петр предложил этот вопрос «вместо всей вселенной», – от лица всех истинных последователей Евангелия, а посему Господь, преимущественно ублажая апостолов, указал и на то воздаяние, которое ожидает всех верных последователей Его: *аминь, глаголю вам: яко вы шедшии по Мне, в пакибытии, егда сядет Сын Человеческий на Престоле славы Своея, сядете и вы на двоюнадесяте престолу судяще обеманадесяте коленома Израилевома*. «Престолы сии, – по толкованию святителя Иоанна Златоуста, – не означают седалища, но ту неизреченную славу и честь», которою апостолы будут превознесены перед другими последователями Христа. Этот суд произойдет *в пакибытии*, т. е. в обновленном бытии человека по воскресении, и будет соединен со страшным судом господа, которому *Отец даде весь суд* (Ин. 5, 22), так что апостолы будут орудиями, или подчиненными, частными действователями Его единого, всеобщего и верховного суда. они явятся самыми сильными обличителями неверия израильского народа: «иудеи были воспитаны в тех же самых законах и по тем же обыкновениям, и вели такой же образ жизни, как и апостолы; посему, когда они в свое оправдание скажут, что мы не могли уверовать в Христа потому, что закон воспрещал нам принимать заповеди Его, то Господь, указав им на апостолов, имевших один с ними закон и, однако же, уверовавших, всех их осудит (Мф. 12, 27)» (свт. Иоанн Златоуст). и те различные виды самоотвержения, которые более или менее обязательны для последователей Евангелия, не останутся без сторичного возмездия: *всяк, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села – имени Моего ради, сторицею приимет и живот вечный наследит. Никтоже есть, иже оставит дом, или братию, или сестры, или отца, или матерь, или жену, или чада, или села, – царствия ради Божия – Мене ради и Евангелия ради – аще не при-имет сторицею, ныне, во время сие, домов, и братий, и сестер, и отца, и матерь, и чад, и сел, во изгнании, и в век грядущий живот вечный.*

Такое удаление от всего, что дорого и любезно сердцу человека, для беспрепятственного служения Богу имеет свои степени и в высшем проявлении составляет особенный подвиг благочестия, наравне с девством и произвольной нищетою. стократное воздаяние за этот подвиг разумеется не чувственное и вещественное возмещение с лихвой утраченного, но та *мзда многа* (Мф. 5, 12), которая подается подвижникам благочестия еще здесь на земле – в предвкушении вечного блаженства на небесах. там, перед судом правды Божией, все окажутся такими, каковы на самом деле, так что *мнози*, мечтавшие о себе здесь высоко и считавшие себя *первыми* и достойными высших наград, будут *последними*, и люди смиренные, которые казались *последними* и никогда не выставляли на вид своих добродетелей, будут *первыми*. Притом, на весах Божественного воздаяния ценится не одна продолжительность духовного делания, а также усердие, ревность и всецелая преданность воле Божией: этими качествами и кратковременный подвиг приобретает в очах Божиих значение, уравнивающее

его с подвигом целой жизни. возмездие в благодатном Царстве Христовом не подчиняется правилам человеческой расчетливости, но вполне зависит от суда Божия, проникающего глубины сердечные. Эту истину спаситель выразил с особенною силою в знаменательной притче, которая весьма внушительно говорила апостолам, призванным первыми к участию в Царстве Христовом, что это преимущество может быть утрачено самонадеянностью, превозношением и беспечностью. По обыкновению, образы для притчи заимствованы спасителем из круга предметов, знакомых ученикам Его по опыту жизни. *Подобно есть Царствие Небесное человеку домовиту, иже изыде купно утро наяти делатели в виноград свой. И совещав с делатели по пенязю на день, посла их в виноград свой. И изшед в третий час, виде ины стояща на торжищи праздны и тем рече: идите и вы в виноград мой, и еже будет правда, дам вам; они же идоша. Паки же изшед в шестый и девятый час, сотвори такоже. Во единый же надесять час изшед, обрете другия, стояща праздны, и глагола им: что зде стоите весь день праздны? Глагола-ша ему, яко никтоже нас наят. Глагола им: идите и вы в виноград мой, и еже будет праведно, приимете. Вечеру же бывшу глагола господин винограда к приставнику своему: призови делатели и даждь им мзду, начен от последних до первых. И пришедше, иже во единый надесять час, прияша по пенязю; пришедше же первии, мняху, яко вящше приимут, и прияша и тии по пенязю. Приемше же роптаху на господина, глаголюще: яко сии последнии един час сотвориша, и равных нам сотворил их еси, понесшим тяготу дне и вар. Он же отвещав рече единому их: друже, не обижу тебе: не по пенязю ли совещал еси со мною? Возми твое и иди: хощу же и сему последнему дати, якоже и тебе. Или несть ми леть сотворити, еже хощу, во своих ми? Аще око твое лукаво есть, яко аз благ есмь? Тако будут последнии перви, и первии последни: мнози бо суть звани, мало же избранных.*

Приточный домохозяин, по замечанию преподобного нила синайского, «и несправедливую обличил ревность ропта вших, и показал, что благость его исполнила правду, потому что невольной вине в праздности не попустил сделаться для них причиною ущерба, принимая во внимание намерение, а не исполнение, т. к. праздность произошла, без сомнения, не от нерадения, а от случая. сказанное ими: *никтоже нас наят*, освобождает их от подозрения в лености, показывает, что готовы они были заняться делом, и слагает вину их бездействия на недостаток нанимающих». вообще, «справедливо, что совершившие дело, стоящее динария, получают не меньше динария, хотя работали и не целый день; ибо тот, кто, нанимая их, сказал: *идите и вы в виноград мой, и еже будет праведно, приимете*, дав динарий, не солгал, ибо дал, что было справедливо, и не напрасно подарил, но по справедливости соразмерил плату с трудом, а не со временем».

Есть различие между работниками виноградника и в других частных чертах: одни «пришли не прежде, как по объявлении им условной платы, иные же приступили к делу без договора, что служит признаком большей веры; первые обнаружили в себе зависть и склонность к ропоту, а последние не обвиняются ни в чем подобном. и данное первым, при всем их лукавстве, была плата, а данное последним – милость, почему первые, уличенные еще в неразумии, справедливо лишены б**о**льшего. видно, что раздел платы поровну был справедлив ибо произволение измеряемо было наравне с трудом» (свт. григорий Богослов). обобщая смысл притчи, святые отцы находят в ней назидание для верующих всех времен: Домохозяин – это Бог или Господь Иисус Христос; виноградник – Церковь Христова; время делания – настоящая жизнь; работники – призванные в Церковь, одни раньше, другие позже; вечер и расчет – день всеобщего воздаяния, когда, при конце мира, каждый получит праведное возмездие по мере своего усердия. По толкованию святителя григория Богослова, «здесь речь о верующих и вступающих в добрый виноградник – Церковь – в разные времена, ибо в который день и час кто уверовал, с того самого и обязан трудиться»; а по мысли святителя Иоанна Златоуста, притча может быть применена к возрастам жизни человеческой: «притча

сия сказана как для тех, кои в первом возрасте жизни своей, так и для тех, кои в старости и позже начали жить добродетельно: для первых, чтобы они не возносились и не упрекали тех, кои пришли в одиннадцатый час, для последних, чтобы они познали, что и в короткое время можно все приобресть».

Движение Господа к Иерусалиму на страдания

Известие о болезни Лазаря Ин. 11, 1–16

Господь знал, что приближается время отше-ствия Его от мира сего (Ин. 13, 1), а посему уже не устранялся от опасности, ведая все, что с ним будет (18, 4). горестное событие в вифании побудило Его предпринять путешествие в иудею, где находились злейшие враги Его. в этом селении, отстоявшем от Иерусалима на 15 стадий (Ин. 11, 18), проживало дружественное господу семейство, – Лазарь и две сестры его Марфа и Мария. Господь любил добросердечных и радушных людей и был чтим ими: совершившееся над ними чудо милосердия Божия еще более возвысило, очистило и укрепило веру их. Лазарь сделался опасно болен. сестры, пораженные горем, поспешили обратиться за утешением к тому, кого привыкли считать наилучшим Другом всех несчастных: они послали сказать Иисусу Христу: *Господи! се, егоже любиши, болит*. сестры не приглашали Его к себе в иудею из опасения, как бы не подать повода врагам нанести Ему вред, а по всей вероятности рассчитывали, что любовь к брату их такого великого Чудотворца сама найдет средство помочь им в беде, даже, может быть, побудит Его подать больному исцеление издали, чему уже бывали примеры прежде (Ин. 4, 50; Мк. 7, 29–30). но Господь имел в виду обнаружение славы своей более торжественное, чем заочное исцеление любимого друга, а посему отвечал принесшим печальную весть о болезни Лазаря: *сия болезнь несть к смерти, но о славе Божии, да прославится Сын Божий ея ради*. Эта истина стала для всех ясною лишь после воскресения Лазаря, а до сего события – слова господа сначала могли служить для сестер ободрением и утешением, потом, когда они увидали смерть брата, – немалым испытанием их веры в Божественного Учителя. Господь наперед знал, что должно было произойти, и пробыл два дня на том месте, где находился, для того, чтобы, как изъясняет святитель Иоанн Златоуст, Лазарь «скончался и был погребен, чтобы потом никто не мог сказать, что он воскресил его тогда, как тот еще не умер, что это был только глубокий сон, или расслабление, или лишение чувств, но не смерть; по этой-то причине он и остался на столько времени, что произошло даже тление». Можно представить, с каким нетерпением обе сестры ждали помощи Божественного Друга своего! но часы шли, больной слабел, опасность увеличивалась, искра жизни с каждою минутою заметно потухала, Лазарь умер – и осиротевшие сестры, приготовляя безжизненное тело его к погребению, по всей вероятности, не раз думали и говорили то, что после они высказали самому господу: *аще бы еси был зде, не бы брат мой умер* (Ин. 11, 21, 32). на третий день Иисус Христос, зная все совершившееся в вифании, сказал ученикам: *идем во Иудею паки.* После того, как незадолго перед этим иудеи в Иерусалиме искали схватить Его и побить камнями (Ин. 10, 31, 39), Господь хотел предупредить своих спутников об опасном путешествии, чтобы не встревожить их внезапностью. в самом деле, это предполагаемое путешествие привело учеников в немалый страх, так что они усиливались убедить своего Божественного Учителя изменить намерение: *Равви, ныне искаху Тебе камением по-бити иудее, и паки ли идеши тамо?* По замечанию святителя Иоанна Златоуста, «они боялись и за него, но еще более за себя, потому что еще не были совершенны». на опасения учеников Господь ответствовал приточною речью, в которой дал им понять, что никакая сила не в состоянии сократить день земной жизни Его вопреки Божественному предопределению: *не двanадесять ли часов есть во дни? Аще кто ходит во дни, не поткнется, яко свет мира сего видит; аще кто ходит в нощи, поткнется, яко несть света в нем*, т. е. как бы так

говорил Господь: «время нашей земной жизни определено свыше; доколе оно продолжается, мы можем идти жизненным путем без страха и опасений, ибо Божественная воля охраняет нас от опасностей, подобно тому как свет солнца охраняет ходящих днем от претыкания о те препятствия, какие встречаются на дороге». Потом Господь объяснил им и самую цель путешествия: *Лазарь, друг наш, успе, но иду, да возбужу его,* – «иду не за тем, чтобы беседовать опять о тех же предметах и обращаться там между иудеями, но за тем, чтобы возбудить нашего друга» (свт. Иоанн Златоуст). смерть Лазаря в устах господа – кратковременный *сон*, каким она и оказалась на самом деле: *сном* он называет смерть и при воскрешении дочери иаира (Мф. 9, 24; Мк. 5, 39); равным образом и смерть верующих, воскресающих для жизни вечной, по непреложному слову Его, – также *сон*, хотя более продолжительный (Ин. 11, 25, 26), потому что, как изъясняет святитель Иоанн Златоуст, «когда пришел Христос и умер, чтобы дать жизнь миру, смерть уже не называется смертью, но сном и упокоением». Ученики не поняли мысли господа: они думали, что он говорит о сне обыкновенном, который в некоторых болезнях служит благоприятным признаком поворота к выздоровлению, а посему заметили: *Господи, аще успе, спасен будет*. тогда Иисус сказал им прямо: *Лазарь умре*, и присовокупил: *и радуюся вас ради, да веруете, яко не бех тамо, – но идем к нему*. Если бы спаситель был в Ви-фании во время болезни друга своего, то, как чувствовало сердце Марфы и Марии, брат их не умер бы (Ин. 11, 21, 32), т. е. Господь исцелил бы больного и не последовало бы высшего проявления всемогущей силы Его в воскрешении умершего, тогда как ввиду приближающихся страданий и смерти Учителя вера учеников нуждалась в особенном чрезвычайном укреплении посредством такого поразительного чуда. впрочем, несмотря на успокоительные слова господа, ученики со страхом смотрели на предстоявшее путешествие: *идем и мы, да умрем с Ним!* – воскликнул Фома, желая из любви к Учителю разделить грозящую Ему опасность.

Предсказание Господа о страданиях, смерти и воскресении Мф. 20, 17–28; Мк. 10, 32–45; Лк. 18, 31–34

Господь Иисус Христос и ученики Его продолжали путь, направляясь к Иерусалиму. Для спасителя это был путь крестный к искупительному жертвоприношению на Голгофе. Богочеловек зрел пред собою конец этого пути – там, в Иерусалиме, со всеми страшными подробностями, и, упредив всех, шел один, желая показать, по толкованию блаженного Феофилакта, «что он поспешает к страданию и не убегает от смерти ради нашего спасения». в некотором расстоянии следовали за ним ученики, не смевшие прервать уединенных размышлений Его. самые разнообразные и даже противоречивые мысли и чувства наполняли души их: тогда как одни, разделяя ходившие в народе представления о земном царстве Мессии и поняв в буквальном смысле обещание Иисуса Христа посадить их на двенадцати престолах (Мф. 19, 27–30), надеялись на скорое открытие этого царства и представляли себе будущее в чертах самых восхитительных, – другие, и притом большая часть, ужасались и были в страхе. они знали, что злобные фарисеи уже неоднократно искали убить Учителя (Ин. 5, 16, 18; 10, 31, 39), так что еще недавно путешествие Иисуса Христа в иудею казалось для апостола Фомы путешествием на верную смерть (11, 16), а посему, при виде своей беззащитной бедности и ожесточенной ненависти врагов, с беспокойством и тревогою думали о тех опасностях, какие угрожают в Иерусалиме не только Божественному Учителю, но также и ближайшим последователям Его. Двукратное предсказание спасителя о своих страданиях, смерти и воскресении (Мф. 16, 21; 17, 22, 23) могло бы послужить для учеников на этот раз немалым успокоением, показав непреложность Божия определения, но оно было ими или забыто, или же не понято. как всеведущий, читая в умах и сердцах, Господь подозвал к себе двенадцать апостолов и в третий раз, еще яснее и полнее, открыл им грядущие события, по изъяснению блаженного Феофилакта, «для укрепления духа их, чтобы они, предварительно услышав об этом, мужественно перенесли, когда это сбудется, и не были поражены внезапностью, а вместе с тем они должны были знать, что он страждет по воле своей». По изложению святого евангелиста Матфея, в этом предсказании является новая подробность, которой не было в прежних пророчествах, – смерть на кресте. *Се,* – говорил Господь, – *восходим во Иерусалим, – и скончаются вся писанная пророки о Сыне Че-ловечесте: Сын Человеческий предан будет архиереом и книжником, и осудят Его на смерть, и предадят Его языком на поругание – и уязвят Его и оплюют Его,* и, осудив *на пропятие, – убиют Его, и в третий день воскреснет.* но эти слова, не в первый раз касающиеся слуха учеников, и теперь остались для них прикровенными, как замечает святой евангелист лука: *тии ничесоже от сих разумеша, и бе глагол сей сокровен от них, и не разумеваху глаголемых.* такая непонятливость ближайших последователей господа объясняется тем, что лишь по сошествии на них святого Духа они достигли полноты духовного ведения, а до этого Божественного озарения, по выражению святителя Иоанна Златоуста, они «то верили, то не верили словам Его и не могли понять их», «до креста многого не знали» и, не вполне отрешившись от мыслей и желаний земных, иногда думали не о том, *яже Божия, но человеческая* (Мф. 16, 23). впоследствии, видя точное исполнение пророчества господа о страданиях и смерти Его, они могли утверждаться также и в надежде славного воскресения Его из мертвых, которое послужило для них неопровержимым доказательством Божества Его (1 кор. 15, 14).

Приключение сынов Зеведеевых Иакова и Иоанна тотчас обнаружило, что беседа господа о кресте была еще выше разумения учеников Его. *Сыны громовы* (Мк. 3, 17), отличенные между избранными апостолами вместе с Петром особым доверием Учителя (Мф. 17,

1; 26, 37), выказали в себе следы любочестия немало несообразного с обстоятельствами, в которых они находились. когда Богочеловек, занятый мыслью о том, что ожидало Его в Иерусалиме, продолжает путь, саломия, мать Иакова и Иоанна (Мф. 27, 56; Мк. 15, 40; 16, 1), улучив минуту, приступила к нему со всеми знаками благоговейного почтения. Эти апостолы думали усилить свою просьбу ходатайством матери, которая и прежде, когда Господь был в Галилее, выражала нелицемерную преданность Ему, вместе с другими следовала за ним и служила Ему (Мк. 15, 40, 41). Посылая ее наперед, они, по толкованию блаженного Феофилакта, желали также избежать стыда и прикрыть свой поступок перед прочими апостолами. Иисус Христос видел, что саломия желает чего-то просить у него, и сказал ей: *чесо хощеши?* – *Рцы,* – отвечала заботливая мать, – *да сядета сия оба сына моя, един одесную Тебе и един ошуюю Тебе во Царствии Твоем*. Эти места считались самыми почетными, выражавшими особенную близость к царю, власть и силу (1 Цар. 20, 25; 3 Цар. 2, 19). тогда, отдаляясь от других, подошли к господу Иаков и Иоанн и сказали: *Учителю, хощева, да еже аще просива, со-твориши нама*. Господь знал желание их, но чтобы, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «открыть рану и после дать лекарство», спросил: *что хощета, да сотворю вама?* они повторили просьбу матери: *даждь нам, да един одесную Тебе и един ошуюю Тебе сядева во славе Твоей*. «какая несообразность! – рассуждает святитель Филарет Московский, – он идет на место поругания смерти а они хотят делить между собою первые места во славе Его. настает время подвига, а они просят венца. надлежало бы просить веры, чтобы не быть ни первыми, ни последними в оставлении господа своего, когда он предан будет, а они предлагают требование быть ближе всех к тому, которого вскоре оставят». Желание превозношения, вполне неуместное по обстоятельствам времени, показывало также, что апостолы не довольно вникали в самих себя, в свои способности, в свое внутреннее состояние. *Не веста, чесо просита,* – с кротостью отвечал им спаситель, – *можета ли пити чашу, юже Аз имам пити, и крещением, имже Аз кре-щаюся, креститися?* образ *чаши*, наполненной вином, служил на живописном языке древних пророков для обозначения бедствий, посылаемых от Бога для вразумления людей (Пс. 74, 9; ис. 51, 17, 22), а под образом *крещения* сам Господь незадолго перед сим предвещал о своих страданиях и смерти (Лк. 12, 50). Посему, эта чаша Христова есть та самая, о которой он молился в саду Геф-симанском (Мф. 26, 39), и это крещение Его есть, по изъяснению святителя Филарета Московского, «крещение кровью, пролиянною на кресте». вопрос, предложенный сынам Зеведеевым, побуждал их испытать самих себя, способны ли они, вместо преждевременно ожидаемой славы, принять участие в страданиях и кресте Христовом. «вы напоминаете Мне о чести и венцах, – говорит Господь, – а я указываю на подвиги и труды, вам предлежащие: еще не наступило время награды и не теперь откроется слава Моя; настоящее время есть время смерти, браней и опасностей» (свт. Иоанн Златоуст). Последующие события показали, как мало еще ученики Христовы были готовы разделить чашу и крещение Божественного крестоносца (Мк. 14, 50), но «в жару усердия», по выражению святого отца, сгорая желанием достигнуть просимого и «не зная того, что сказали», Иаков и Иоанн поспешили отвечать на вопрос господа: *можем*. всеведущий знал, что это слово, произнесенное теперь без ясного сознания, в свое время придет в исполнение, а посему, предсказав обоим апостолам ожидающую их участь, вместе с тем объяснил им, что небесная награда не дается, но уготована *претерпевшим до конца* (Мф. 24, 13) и *победившим* все искушения и соблазны (откр. 3, 21). *Чашу, юже Аз пию, испиета, и крещением, имже Аз крещаюся, крститася, а еже се-сти одесную Мене и ошуюю, несть Мне дати – но имже уготовася от Отца Моего,* – «Мне, праведному судии, несвойственно дать вам такое достоинство по одной любви к вам даром, иначе я не был бы правосуден, но такая почесть уготована только подвизающимся» (блж. Феофилакт), или, как изъясняет преподобный исидор Пелусиот, *несть Мне дати*, – «дать просящим просто, а не воздать в награду трудящимся». небесные почести предназначены всем верующим и веру

свою свидетельствующим добрыми делами и будут распределены на страшном суде Царем Христом сообразно воле отца, давшего сыну всякий суд (Мф. 25, 31–46; ин. 5, 22), так что, по выражению свтятого василия великого, «от приемлющих воздаяние зависит сделать себя достойными седения одесную или ошуюю господа, а не от того, кто может дать сие, хотя бы и несправедливо было прошение». седение же одесную непостижимого величества Божия в том смысле, в каком говорится о господе, воссевшем одесную Бога (Мк. 16, 19), по изъяснению святителя Иоанна Златоуста, «недоступно ни для кого, не только для людей, как то святых и апостолов, но и для Ангелов, архАнгелов и для всех высших сил».

Церковь Домостроительство спасения ясно изображает на иконе: Пресвятая Богородица, яко Царица, и святой Иоанн Предтеча, больший всех пророков, предстоят одесную и ошуюю Престола величества Божия.

Из слов спасителя сыны Зеведеевы могли понять, что на самом деле они и сами не знали, чего просили. но эта беседа, хотя происходила в отдалении от апостолов, скоро сделалась известною десяти и произвела между ними ропот и неудовольствие против искателей первенства, как казалось, с обидою для прочих. тогда Господь подозвал негодующих и изъяснил им основное правило Евангельской нравственности – взаимную любовь, проникнутую истинным смирением: *весте, яко князи язык господствуют ими, и велиции обладают ими. Не такоже будет в вас: но, иже аще хо-щет в вас вящший быти, да будет вам слуга, и иже аще хощет в вас быти первый, буди вам раб. Якоже Сын Человеческий не прииде, да послужат Ему, но послужити и дати душу Свою избавление за многих*. таким внушением Иисус Христос пресекал честолюбивые мысли учеников своих, можно сказать, в самом корне, потому что указывал цель своего пришествия в мир не в земном владычестве, но в страданиях и искупительной смерти за грехи людей. апостолы должны были научиться из примера Учителя своего, что путь смирения и самоотверженного служения благу ближних есть единственно верный путь к славе не преходящей и суетной, но истинной и вечной.

Исцеление слепого и обращение Закхея Лк. 18, 35–43, 10–14

После утомительного перехода по пустынной местности путешественники увидели перед собою древний город пальм (Втор. 34, 3; суд. 1, 16; 3, 13) – иерихон, окруженный роскошною растительностью. Близ дороги, при входе в город, сидел один несчастный слепец, просивший милостыни. Движение, говор и шум толпы, сопровождавшей господа, привлекли внимание его. осведомившись, что это идет великий Чудотворец – Иисус назорей, слепец закричал: *Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя,* – и в этом кратком восклицании, проникнутом глубоким чувством, он ясно высказал свою искреннюю веру во Христа как истинного Мессию от рода Давидова. такое всенародное исповедание могло возбудить в фарисеях ярость и навлечь на слепца гонение; многие шедшие впереди унимали его и просили молчать, но он еще громче кричал: *Сыне Давидов, помилуй мя*. несчастный слепец жалобно взывал к Иисусу, опасаясь пропустить представившийся ему случай получить помощь и исцеление от всемогущего врача. вопли его сквозь нестройный гул народной толпы достигли слуха Богочеловека. Господь остановился, велел привести его к себе и, приготовляя к сознательному восприятию дара благодати, спросил: *что хощеши да ти сотворю?* – и на ответ слепца: *Господи, да прозрю,* сказал ему: *прозри, вера твоя спасе тя.* он тотчас прозрел и пошел за Иисусом, славя исцелителя своего. весь народ, бывший свидетелем чуда, также воздал хвалу Богу.

Слух о приближении Иисуса Христа к городу и о чуде, совершенном им, привел в движение иерихонских жителей. Число спутников господа увеличилось новою толпою, которая вышла к нему навстречу. все теснились вокруг Божественного Путника, стараясь быть ближе к нему для того, чтобы лучше видеть и слышать Его. Между этими любопытными был некто Закхей, начальник мытарей и человек богатый. но не одно любопытство влекло его к Иисусу. как старейшина сборщиков податей, – этих общепризнанных грешников, ненавидимых народом за вымогательство и обман, он чувствовал себя еще грешнее, еще виновнее перед Богом и людьми; как человек богатый, нажывший состояние с обидою для ближних, он сознавал, что жизнь его далеко не безупречна. весть о пришествии Иисуса Христа коснулась не слуха только, но и сердца Закхея: он пожелал видеть этого прославляемого *Друга мытарей и грешников* (Мф. 11, 19), людей презираемых и уничиженных, подобно ему самому, и в чертах Божественного лика, сияющего кротостью и милосердием, найти отраду скорбной душе своей. но, будучи мал ростом, Закхей не мог лицезреть господа, окруженного тесной толпой народа. тогда, не теряя времени, он забежал вперед по той дороге, куда направлялось шествие, и взлез на смоковницу. с каким вниманием он следил отсюда за приближением того, перед кем готов был раскрыть раны своего сердца! всеведущий знал, что происходило с Закхеем, ясно видел настроение души его и не презрел той пламенной ревности, с какою мытарь искал Его. Поравнявшись со смоковницею, Иисус Христос взглянул на Закхея взором участия и любви и сказал: *Закхее, потщався слези: днесь бо в дому твоем подобает Ми быти.* При этом благодатном призвании, где добрый Пастырь идет навстречу заблудшей овце, сердце кающегося грешника исполнилось живейшей радости. незадолго перед сим Зак-хей желал посмотреть на великого Чудотворца, не смея думать о беседе с ним, а теперь он мог не только видеть Его, но, приняв в свой дом, разделить с ним вечерю и в дружеском разговоре излить перед ним душу свою. Мытарь поспешно сошел с дерева и проводил необычайного гостя в дом свой. но предрассудок толпы, считавшей людей, подобных Закхею, нечистыми грешниками, был так велик, что все начали роптать, недоумевая, зачем великий Галилейский Пророк вступил в беседу с мытарем, пошел к нему в дом и при вступлении не принял никаких мер к сохранению законной чистоты. все это казалось крайне

зазорным в глазах книжников и фарисеев, а также и всех ревнителей суеверных преданий, наследованных от старцев (Мк. 7, 3).

Сам Закхей, без сомнения, живее, чем кто-либо, чувствовал, что сделал для него Иисус, и был тронут до глубины души. не обращая внимания на ропот толпы, он весь был занят мыслью о том, как бы сделаться достойным своего гостя и ознаменовать присутствие Его в доме делом, вполне Ему угодным. Перед лицом святая святых нечистая совесть заговорила с особенною силою, и благоразумный мытарь, смягченный незримым веянием Божественной любви, стал иным человеком, – не таким, каким до сего времени все знали его. став перед Иисусом Христом с видом искренней решимости, Закхей сказал: *Господи, се пол имения моего дам нищим, и аще кого чим обидех, возвращу четверицею.* По обычаю раввинов, никто не был обязан давать в милостыню более пятой части своего имущества, а по закону Моисея – только уличенный на суде должен был возвратить похищенное вдвое и вчетверо (Исх. 22, 1, 4), в случае же добровольного признания – с добавлением к похищенному лишь одной пятой доли стоимости (Чис. 5, 7). Закхей понимал, что перед ним не учитель правды законной, а Провозвестник Евангельской благости, а посему, входя, так сказать, в дух Его, обещал сделать более того, чего требовал обычай или что предписывал ветшающий закон. такое усердие, превышавшее требования долга, свидетельствовало об искренности обращения Закхея и подвигло Человеколюбца господа изречь слово утешения и ободрения не только ему, но и всем домочадцам, разделявшим покаянные чувства своего домовла-дыки: *днесь спасение дому сему бысть, зане и сей сын Авраамль есть,* – истинный сын *отца всех верующих, ходяй в стопах веры* (Рим. 4, 11, 12), которою древний патриарх издали (Евр. 11, 13) *видел день* Христов и *возрадовася* (Ин. 8, 56). При этом Господь не оставил без наставления и тех, которые роптали на сближение Его с мытарем. он говорил им те же слова, в которых еще прежде высказал, что спасение погибающего человека есть главная цель пришествия Его в мир (Мф. 18, 11): *прииде бо Сын Человечь взыскати и спасти погибшаго.* событие в доме Закхея должно было служить полезным уроком и важным предостережением для всех, разделявших образ мыслей книжников и фарисеев. надмеваясь внешнею праведностью по букве закона и самоизмышленным преданием и погрязая в неверии во Христа спасителя, они воочию убеждались, что смиренные мытари и грешники упреждали их в Царстве божием (Мф. 21, 31).

По преданию, Закхей впоследствии был первым епископом кесарии Палестинской.

Притча о десяти минах
Лк. 19, 11–27

Находясь в доме Закхея, Господь Иисус Христос восхотел рассеять и те мечтательные ожидания, которые народная молва соединяла с именем Его. от этих ожиданий не свободны были даже ближайшие и доверенные ученики Его, как это обнаружилось в просьбе сынов Зеведеевых (Мк. 10, 35–37). Думали, что скоро должно открыться во всей силе и славе земное царство Мессии: рассчитывали, что это открытие, вероятно, последует с пришествием Иисуса Христа в Иерусалим. с приближением к святому городу, в такое время, когда там собрались представители иудейства из разных стран света, мечты о всемирном владычестве Мессии делались с каждым днем живее и заманчивее для спутников Иисуса Христа. надлежало приготовить их к наступающим событиям, очистить понятия их, по возможности, от всего лишнего и указать истинный смысл того, что они увидят в Иерусалиме.

Приточные образы, в которые Господь облек свою речь, были заимствованы из современных событий и знакомы народу. когда архелай, по смерти своего отца ирода, отправился в рим к кесарю августу для исходатайствования себе царского достоинства, иудеи, зная жестокий нрав его, через особое посольство из пятидесяти выборных просили кесаря не утверждать его в искомом сане. но вскоре оказалось, что хитрый и льстивый четверовластник достиг своей цели и, несмотря на противодействие иудеев, получил царский скипетр. все эти обстоятельства, памятные слушателям Иисуса Христа, он соединил в притче, представляющей под внешнею оболочкою краткое изображение судьбы духовного царства Его.

Человек некий добра рода иде на страну далече прия-ти себе царство и возвратитися. Призвав же десять раб своих, даде им десять мнас и рече к ним: куплю дейте, дондеже прииду. И граждане его ненавидяху его и посла-ша послы вслед его, глаголюще: не хощем сему, да царствует над нами. И бысть, егда возвратися прием царство, рече пригласити рабы тии, имже даде сребро, да увесть, какову куплю суть сотворили. Прииде же первый, глаголя: господи, мнас твоя придела десять мнас. И рече ему: благо, рабе добрый, яко о мале верен был еси, буди область имея над десятию градов. И прииде вторый, глаголя: господи, мнас твоя сотвори пять мнас. Рече же и тому: и ты буди над пятию градов. И другий прии-де, глаголя: господи, се мнас твоя, юже имел положену во убрус, боялся бо тебе, яко человек яр еси: вземлеши, его-же не положил еси, и жнеши, егоже не сеял еси. Глагола же ему: от уст твоих сужду ти, лукавый рабе! Ведел еси, яко аз человек яр есмь, вземлю, егоже не положих, и жну, егоже не сеях: и почто не вдал еси моего сребра купцем, и аз пришед с лихвою истязал бых е? И предстоящим рече: возмите от него мнас и дадите имущему десять мнас. И реша ему: господи, имать десять мнас. Глаголю бо вам, яко всякому имущему дастся, а от неимущаго, и еже имать, отымется от него. Обаче враги моя оны, иже не восхотеша мене, да царь бых был над ними, приведите семо и изсецыте предо мною.

Эта притча, имеющая некоторое внешнее сходство с притчею о талантах, произнесенною господом впоследствии (Мф. 25, 14–30), устраняя всякую мысль о царском владычестве, предупреждала слушателей об отшествии Его *на страну далече* – за пределы видимого мира – для восприятия духовного царства над верующими (1 кор. 15, 25). *Человек добра рода* – это, по толкованию святителя василия великого, «не имеющий общения по роду ни с кем другим, кроме Бога, который превыше всех, – тот, кто имеет бытие из сущности отчей». в дальнейшем развитии своей иносказательной речи Господь Иисус Христос дал понять, что, по отшествии Его из мира, на истинных сынах благодатного Царства Его лежит нравственный долг преуспевать в добре при помощи тех духовных средств, которые подаются им, и что во второе пришествие Его настанет время отчета, когда верные труженики получат награду по мере прилежания, а неверный и ленивый раб, несмотря на свое хитрое оправда-

ние, будет осужден. Господь не сокрыл и того, что будет много противников Царства Его: это, прежде всего, богобор-ный народ иудейский, отвергший своего Мессию и предавший Его позорной смерти, ибо «кто эти послы, как не виновники смерти спасителя, думавшие, что крестом пресекут царствование Его над миром?» а потом, по замечанию того же святого отца, «много таких, которые в жизни сей не хотят, чтобы царствовал над ними Христос и, сколько зависит от их произволения, отказываются от Его Царства». Погибель, которою угрожал Господь своим противникам, постигла народ иудейский в страшные времена разрушения Иерусалима (Мф. 24, 2), а для всех грешников исполнится в отвержении и осуждении их на страшном суде Христовом (25, 41, 46). впоследствии, когда Господь по воскресении отверз ученикам своим ум к уразумению Писаний (Лк. 24, 45) и когда Утешитель Дух святый, по обетованию господню, научил их всему и напомнил все, что Богочеловек говорил им (Ин. 14, 26), смысл этой притчи, равно как и других прикровенных речений спасителя (Лк. 18, 34), сделался для них вполне ясным.

Исцеление слепых при выходе из Иерихона Мф. 20, 29–34; Мк. 10, 46–52

Когда Господь Иисус Христос выходил из иерихона, направляясь в Иерусалим, множество народа следовало за ним. Число спутников Его увеличилось богомольцами, спешившими туда на праздник Пасхи не только из ближайших окрестностей города, но из дальней Галилеи. взаимные отношения иудеев и самарян с давнего времени отличались крайнею нетерпимостью (Лк. 9, 52; ин. 4, 9), а посему Галилеяне, опасаясь неприязненных столкновений, проходили в Иерусалим не ближайшею дорогою через самарию, а дальнею, и вместе с тем более безопасною, через заиорданскую область, и, переправившись через иордан, в иерихоне соединялись с другими богомольцами. Цветущий город пальм служил для путников местом сбора и отдыха перед последним переходом к Иерусалиму. Дальнейший путь пролегал по скалистой пустыне иерихонской, где в многочисленных пещерах и расселинах гор укрывались разбойники, нападавшие на одиноких прохожих (Лк. 10, 30).

Исшествие свое из иерихона, подобно вступлению в этот город, Господь ознаменовал чудом милосердия. Два слепца, из которых один был Вартимей, сын Тимея, сидели подле дороги и просили милостыни. Услышав, что идет Иисус назорей, они начали кричать: *Сыне Давидов, Иисусе, помилуй! Помилуй ны, Господи, Сыне Давидов!* народ заставлял их молчать, но они еще громче кричали: *Сыне Давидов, помилуй!* Господь остановился и велел позвать их: сердцеведец видел, что эти несчастные, исповедуя свою веру в простых и безыскусных словах, заслуживают помилования. стали звать вартимея говоря: *дерзай, востани, зовет тя.* При такой радостной вести слепец, поспешая предстать пред своего Целителя, сбросил с себя верхнюю одежду, чтобы она не препятствовала ему идти как можно поспешнее на благодатный зов. и когда слепцы приблизились, Господь спросил их: *что хощета, да сотворю вама?* всеведущий желал, чтобы больные приняли дар исцеления вполне сознательно. слепые отвечали: *Господи, Учителю! да отверзутся очи наши.* Господь умилосердился и, прикоснувшись к очам их, изрек обычное свое слово, которым запечатлевалось великое дело всемогущества: *иди, вера твоя спасе тя.* слепые прозрели и, влекомые благодарностью к своему безмездному врачу, пошли за ним по дороге вместе с толпою народа, служа для всех наглядным свидетельством Божественной силы Его.

Воскрешение Лазаря
Ин. 11, 17–46

После перехода по скалистой пустыне иерихонской глазам путников открылась гора Еле-онская, заслонявшая Иерусалим с восточной стороны. на восточном склоне этой горы виднелось селение вифания. толпы богомольцев двинулись далее к городу, переполненному пришельцами, надеясь найти приют или в домах своих друзей и знакомых, или же, в крайнем случае, в кущах и палатках, которые на время праздника располагались обыкновенно в окрестностях города. но Господь Иисус Христос остался в вифании; здесь дружественное Ему семейство было погружено в глубокую скорбь. Прошло четыре дня по смерти Лазаря. Потеря любимого брата была тяжелым ударом для Марфы и Марии, лишившихся в нем единственной опоры для себя. намек господа при известии о болезни своего друга, что *сия болезнь несть к смерти, но о славе Божии* (Ин. 11, 4), остался непонятным, особенно потому, что самое событие, казалось, не соответствовало утешительному обещанию. горесть сестер увеличивалась еще тем, что Божественный гость, которого они принимали всегда в своем доме с радушием, на этот раз как бы забыл их и, несмотря на то, что был вовремя извещен о домашнем несчастии, не спешил оказать им помощь. Между тем, смерть безостановочно продолжала свое разрушительное дело: несомненные признаки тления, обнаружившиеся в бездыханном теле Лазаря, отнимали у сестер последний луч надежды на возвращение брата к жизни.

По древнему обыкновению иудеи оплакивали умерших в течение семи дней (1 Цар. 31, 13; 1 Пар. 10, 12; иуд. 16, 24; сир. 22, 11), а иногда даже целый месяц (Чис. 20, 29; Втор. 21, 13). в эти дни печали родные, друзья и знакомые навещали потерпевшее утрату семейство, стараясь доставить ему утешение своим посещением и беседою. из Иерусалима, где, по всей вероятности, было немало родных и знакомых умершего, пришли к осиротевшим сестрам многие иудеи, которые, исполняя добрый обычай, не могли предвидеть, что сделаются свидетелями самого поразительного чуда господа. Мария была внимательною собеседницею гостей, тогда как деятельная Марфа делила свое время между беседою и заботами хозяйственными, и прежде своей сестры узнала, что давно ожидаемый Учитель приближается к селению. не говоря сестре о пришествии того, кто приносил с собою истинное утешение в ужасном горе, она оставила все и устремилась к нему навстречу, чтобы, как изъясняет святитель Иоанн Златоуст, «увидеться с ним наедине и рассказать Ему о случившемся». При виде господа Марфа высказала в немногих словах то, что она чувствовала со своею сестрою со времени горестной потери брата, о чем они постоянно думали и беседовали между собою: *Господи, аще бы еси зде был, не бы брат мой умер.* Это не упрек в медлительности, который верующая душа не позволила бы себе сделать Христу, но сожаление, полное покорности воле Божией, проникнутое твердою уверенностью, что Божественный Друг и теперь не оставит скорбящих без чудодейственной помощи: *но и ныне вем,* продолжала Марфа, *яка елика, аще просиши от Бога, даст Тебе Бог.* видно, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, что она считала господа не более, как «человеком добродетельным и угодным Богу», и что вера ее еще нуждалась в высшем озарении и укреплении. Чудеса спасителя, и особенно прославленное воскрешение дочери иаира (Мф. 9, 25, 26; Мк. 5, 42; Лк. 8, 55) и юноши наинского (Лк. 7, 15, 16), внушали Марфе смутную надежду, что, быть может, и с Лазарем совершится нечто подобное. но то, что было в мысли ее и чего желало сердце ее, представлялось столь великим, что язык немел и не смел выговорить ясно и определенно. и вот, сам Господь, как полновластный Владыка жизни и смерти, с решительностью, устраняющею всякое сомнение, как бы досказывает то, что осталось недосказанным в речи Марфы: *воскреснет брат твой.* Это обетование, хотя и выраженное в общих словах, было так порази-

тельно, что скорбящая сестра опасается верить близкой радости, чтобы не испытать еще большей печали в случае неисполнения желаемого: она переносит свою мысль к отдаленному времени всеобщего воскресения, ожидая от господа более точного разъяснения того, что им сказано. *Вем,* – она отвечала, – *яко воскреснет* брат мой в *воскрешение, в последний день.* «не в том только было дело, – по замечанию святителя Иоанна Златоуста, – чтобы воскресить Лазаря, но надобно было прежде научить воскресению». с этою целью Господь, сосредоточивая все ожидания Марфы на своем Божественном лице, открыл ей, что источник жизни – основание и корень воскресения – в нем самом и что главное условие воскресения есть соединение с ним посредством живой деятельной веры. Приготовляя Марфу к великому явлению всемогущей силы Божества своего, спаситель постепенно очищал и возвышал веру этой женщины, «еще, – по выражению святителя Иоанна Златоуста, – долу вращавшейся». *Аз есмь воскрешение и живот: веруяй в Мя, аще и умрет* смертию телесною, *оживет, и всяк живый и веруяй в Мя, не умрет во веки,* – будет жить вечно в небесах. *Емлеши ли веру сему?* Прежде воскрешения Лазаря Иисус Христос желал внушить скорбящей сестре его истинное понятие о смерти как перемене бытия худшего на лучшее, так что для верующего нет смерти в том ужасном смысле, какой неверующие привыкли соединять с прекращением телесной жизни. По мысли Богочеловека, и самый умерший Лазарь, веровавший в него и скончавшийся в этой вере, живет в ином лучшем мире, иною лучшею жизнью. святой евангелист умалчивает, поняла ли Марфа это возвышенное учение господа, или же оно осталось для нее до времени прикро-венным, но на последний вопрос благоговейно чтимого Учителя она поспешила ответить таким полным и решительным исповеданием своей веры в него, с которым может сравниться лишь исповедание святых апостолов (Мф. 16, 16): *ей Господи, аз веровах, яко Ты еси Христос, Сын Божий, Иже в мир грядый.* сказав это, она пошла возвестить сестре своей о пришествии господа. сам Господь, оставаясь на том месте вне селения, где встретила Его Марфа, не пошел в дом их, быть может, потому, что не желал явиться среди неверующих и враждебно настроенных людей, которые могли своими толками и пересудами вредно подействовать на простые и верующие души благочестивых сестер. там, вне селения, он был ближе к месту погребения Лазаря, и мог прямо и непосредственно приступить к тому делу, для которого пришел в вифанию. Марфа тайно позвала сестру свою, говоря: *Учитель пришел есть и глашает тя.* При этой неожиданной вести Мария, поспешно встав и никому не сказав, куда и зачем идет, устремилась к тому, от кого чаяла получить лучшее утешение в своем горе. любовь к брату, казалось, навсегда утраченному, тяжесть одиночества и беспомощности, благоговейное почтение к Учителю – единственному Другу, все эти чувства с новою силою наполнили скорбную душу, и Мария, увидев господа, пала к ногам Его и могла сказать только то, что и сестра: *Господи, аще бы еси был зде, не бы умерл брат мой.* Поток слез прервал речь ее. Между тем, бывшие в доме иудеи, видя, что Мария поспешно встала и вышла, последовали за нею в том предположении, что она пошла к гробу Лазаря плакать. Эти утешители скорбящего семейства теперь делаются свидетелями одного из величайших чудес Божия всемогущества, и, окружив тесною толпою Иисуса Христа и рыдающую у ног Его женщину, сами не могут удержаться от слез. все молчат и плачут, – одни искренне, от полноты чувства, а другие, увлеченные примером и растроганные видом чужого горя.

Человеческая скорбь всегда была близка любвеобильному сердцу господа Иисуса Христа. При виде неутешно плачущих сестер Лазаря и сочувствующих им иудеев, он и в себе «выказывает то, что было свойственно Его человеческой природе» (свт. Иоанн Златоуст). Что представлялось чистейшей душе Человеколюбца в это время общих слез, ведомо Ему единому. Перед ним был новый разительный пример владычества смерти, которое она получила над человеческим родом вследствие прародительского греха (Рим. 5, 14, 15). а посему, в слезах, пролитых о Лазаре, не зрел ли он все слезы, проливаемые человечеством на земле, начиная с первого поражения смертью и оканчивая последним днем мира? и в этой глубокой

печали близких лиц о горестной утрате не чувствовал ли он того *жала* смерти (1 кор. 15, 55), которое продолжало уязвлять слабое естество наше? к скорбному чувству, объявшему душу сердцеведца, не могло не примешиваться также чувство жалости, гнева и негодования, когда он, читая в будущем, знал, что значили эти слезы иудеев. он видел, что между плачущими кроются злые враги Его, которые воспользуются величайшим чудом Его для того, чтобы постановить решительный приговор о смерти Его (Ин. 11, 47–55). По сказанию святого евангелиста, Господь *запрети духу и возмутися,* но, тотчас сдержав смущение, спросил: *где положи-сте его?* – спросил, замечает святитель афанасий александрийский – «по человечеству, чтобы воскресить по Божеству: с человеками не знает, как человек, по Божеству же, как во отце сущее слово и Премудрость, знает и ничего нет сокрытого от ведения Его». в действиях господа при воскрешении Лазаря, по выражению церковных песней, ясно видно «сугубство существ» Его: «не неведый яко Бог, уведети вопрошал, яко человек». По словам святителя Иоанна Златоуста, он «не хочет сам по себе приступить к совершению чуда, но хочет все узнать от других и сделать по их просьбе, чтобы освободить чудо от всякого подозрения», или, как еще яснее говорит преподобный Ефрем Сирин, хочет от самих иудеев «получить удостоверение в погребении его и потом уже воззвать его к жизни: Премудрый связал их собственным их показанием, что действительно предали они гробу, чтобы, когда воззовет и воздвигнет мертвого, и они стали свидетелями его воскресения». Присутствовавшие поняли вопрос Иисуса Христа в том смысле, что он желает излить скорбь свою над самым гробом любимого друга и спешили ответить: *Господи, прииди и виждь.*

На пути к тому месту, где был сокрыт прах Лазаря, Богочеловек молчал и внутренне скорбел. Хотя он и предвидел предстоящую радость воскресения умершего, но эта радость была еще неведома скорбным сердцам присутствовавших, а посему человеческая природа Его продолжала сострадать страждущим. тихие слезы текли из очей Его: это были слезы «законом естества, уверяя плоть, юже вос-приял» Господь. он поучал нас своим примером, чтобы мы, оставаясь в пределах естества, «переносили скорбное честно и благопристойно: пролив слезы над другом, и сам показал общительность человеческой природы, и нас предостерегал от излишеств, вразумив, чтобы мы и не расслабевали в страстных движениях, и не с бесчувственностью встречали скорби» (свт. василий великий). но для иудеев слезы спасителя послужили поводом к пересудам. *Виждь, како любляше его,* говорили одни, а другие прибавляли: *не можаше ли Сей, отверзый очи слепому, сотворити, да и сей не умрет?* Это злобное замечание, в котором упоминалось о недавно совершившемся исцелении слепорожденного с оттенком недоверия, и притом в виде возражения против чудотворной силы господа, наполнило сердце Его новою скорбью. слезы прекратились, но во взорах, движениях, во всем внешнем виде заметно было, что душа Его внутренне страдает.

Шествие, двигаясь далее, приблизилось к гробу. Это была, по обычаю иудеев, пещера, с приваленным у входа огромным камнем. все думали, что дело ограничится простым посещением места погребения Лазаря, и весьма удивились, когда Господь, подойдя к пещере, повелел отнять камень, заграждавший вход в нее: *возмите камень.* внимательная Мария наблюдала происходящее, предчувствуя, быть может, нечто необыкновенное, но заботливая Марфа, забыв под новым впечатлением о недавней утешительной беседе Иисуса Христа, спешила предупредить Его: *Господи, уже смердит: четвородневен бо есть.* Это замечание Марфы было как бы последним усилием неверия: она, по выражению святителя Иоанна Златоуста, считала воскресение «невозможным по продолжительности времени». но Господь своим ответом опять возвел мысль ее на ту высоту, с которой она ниспала: *не рех ли ти, яко аще веруеши, узриши славу Божию?* отнятие камня и запах тления, исходивший из гробовой пещеры, удостоверяя присутствовавших иудеев в смерти Лазаря, по замечанию преподобного Ефрема Сирина, делали для них самое чудо воскресения вполне несомненным: «попустил Господь тлению коснуться умершего, чтобы воссмердение его уверило в смерти,

и смрад от мертвеца для того поразил их, чтобы, когда зловоние оставалось еще на одеждах их, увидали они чудо воскресения».

Камень отвалили. настала минута общего ожидания. взоры всех обратились к Иисусу Христу. Богочеловек знал, что именно теперь надлежало совершить самое великое и поразительное чудо. ввиду приближающихся искупительных страданий и смерти Его оно должно было оживить в народе веру в него, а ближайших учеников и последователей предохранить от колебаний и сомнений среди грядущих испытаний. Близость Иерусалима, наполнявшегося перед праздником пасхи пришельцами из разных стран света, и присутствие многих жителей святого города при совершении чуда служили ручательством того, что это дело всемогущей силы господа произведет глубокое впечатление и сделается известным повсюду. Чудо воскрешения Лазаря представлялось духовному взору господа как бы уже совершившимся, а посему окружая его особою торжественностью в назидание собравшемуся народу, он обратился к отцу своему с благодарственною молитвою. По словам святителя Иоанна Златоуста, Господь «принял вид молящегося для того, чтобы не считали Его противником Божиим, не говорили, что он не от Бога, – чтобы показать, что это дело совершается по воле Божией». Иисус возвел очи к небу и сказал: *Отче, хвалу Тебе воздаю, яко услышал еси Мя. Аз, же ведех, яко всегда Мя послушаеши, но народа ради стоящаго окрест рех, да веру имут, яко Ты Мя послал еси.* После сего, обратив взор к погребальной пещере, Владыка жизни и смерти воззвал громким голосом: *Лазаре, гряди вон.* Это творческое слово явственно огласило мрачное жилище смерти, – по выражению церковной песни, достигло «глубин адовых» и мгновенно возвратило жизнь умершему. та же всемогущая сила, которая разрешила узы смерти, дала возможность оживотворенному выйти на свет в том самом виде, в каком он был положен в гробовой пещере: умерший вышел, обвитый по рукам и по ногам погребальными пеленами, и лицо его было обвязано платком. «Чудо в самом чуде, – замечает святитель василий великий, – иметь ноги связанные погребальными пеленами и не встречать в том препятствия к движению! Здесь укрепляющее было сильнее препятствующего». и это чудо, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «казалось не менее дивным самого воскресения». *Разрешите его,* – сказал Господь, – *и оставите идти.* так, надлежало, чтобы «те же руки, которые обвивали мертвого при погребении, разрешили его» (прп. Ефрем Сирин); надлежало, чтобы «прикоснувшись к нему и подойдя близко, увидели, что это именно он» (свт. Иоанн Златоуст).

Чудо воскрешения Лазаря произвело на свидетелей его поразительное впечатление. оно произошло явно, на глазах у всех, и не оставляло места ни малейшему сомнению или неверию. все знали Лазаря умершим и все увидели его воскресшим: как в смерти его, так и в воскресении убедились, можно сказать, всеми чувствами – зрением, слухом, обонянием и осязанием. Для учеников и ближайших последователей господа воскресший Лазарь сделался, так сказать, живым, наглядным доказательством Божества Его. Многие из иудеев, пришедших в дом Лазаря для утешения сестер и видевших, что сотворил Иисус, уверовали в него, но нашлись и такие, которые, несмотря на очевидность, продолжали упорствовать в неверии. Эти погибельные люди с *сожженною* совестью (1 тим. 4, 2) воспользовались величайшим чудом спасителя для того только, чтобы сделать донос на него: возвратившись в Иерусалим, они пошли к злейшим врагам Его – фарисеям – и рассказали обо всем, чему были свидетелями в вифании у гроба Лазаря.

Когда прозрел слепорожденный, то фарисеи устроили допрос, все обстоятельства выяснили, а тут, чудо такое великое совершилось, и даже не пришли на гроб Лазаря, никакой комиссии не собрали. ибо диавол обладал ими, и они утверждали, что нет Ангелов, нет жизни вечной.

А ведь весь народ в Иерусалиме дышал и жил чудом воскресения Лазаря.

Приближалась пасха иудейская, и в Иерусалим стекалось огромное количество паломников. собственно население города составляло 100 тысяч жителей, 100 тысяч прибывало прозелитов. всего более миллиона иудеев собиралось в Иерусалиме по случаю праздника. (а исследователь Б. и. гладков указывает, что на праздник пасхи в Иерусалиме собиралось из разных стран не менее двух миллионов евреев. «толкование Евангелия». сПб, 1913.) и все только об этом чуде и говорили. Многие сами приходили к Лазарю, расспрашивали его самого и сестер его, осматривали гроб и пелены погребальные.

До сего дня в вифании сохранилась гробница Лазаря – глубоко внизу под землей расположенная пещера, содержащая ложе, где покоилось тело умершего, и место, где стоял Господь, когда воззвал: «Лазаре, гряди вон!»

По преданию, Лазарь после своего воскресения жил еще 30 лет, был епископом на острове кипр. в ларнаке находится второе его место погребения. Получается, что Лазарь родился один раз, а умирал дважды.

В воскресении мертвых проявилась неограниченная Божественная власть Иисуса Христа и над телом, и над душой. оживлялось тело, призывалась в него душа, уже отошедшая в мир духов из этого мира, соединялась с телом, с которым она уже разлучилась навсегда.

Кроме ясного и непререкаемого доказательства Божества Христова, воскрешение Лазаря служило предызображением воскресения самого господа, так что воскресший Лазарь для всех являлся «всеистинным свидетелем тридневного восстания» Христова, а вместе с тем, оно же служило уверением общего воскресения мертвых при конце мира. «слово, – говорит преподобный Ефрем Сирин, – одного только воскрешало, но посредством его одного утверждалась надежда на день общего воскресения», и святая Церковь, прославляя чудо господа, воспевает, что он воздвиг Лазаря, «общее воскресение прежде своея страсти уверяя», и «яко Бог, будущее прообразуя яве воскресение».

Решение синедриона
Ин. 11, 47–57

Давно уже, еще со времени исцеления тридцативосьмилетнего расслабленного при овчей купели, старейшины и законники иудейские искали убить господа Иисуса Христа, *яко не токмо разо-ряше субботу, но и Отца Своего глаголаше Бога, равенся творя Богу* (Ин. 5, 18). Завидуя славе Божественного Учителя, злобные враги Его постоянно следили за ним, *ищуще уловити нечто от уст Его, да нань возглаголют* (Лк. 11, 54), посылали слуг своих схватить Его (Ин. 7, 32), совещались, как бы погубить Его (Мф. 12, 14), не раз брались за каменья, чтобы убить Его (Ин. 8, 59; 10, 31). но все эти враждебные замыслы не достигали своей цели, потому что *не у исполнися время* Его (7, 8). Предопределенное время страданий и смерти Его теперь видимо приближалось, и чудо в вифании послужило поводом к решительному приговору о нем.

Первосвященники и фарисеи, услышав о воскрешении Лазаря, пришли в крайнее смущение. Дело представилось им настолько важным, что они решились передать его на рассмотрение верховного судилища. Это судилище, называвшееся синедрионом, состояло из 71 члена под председательством первосвященника и призвано было, между прочим, иметь главный надзор за верою и обрядностью народа. там заседали, кроме действительного первосвященника, первосвященники, устраненные от должности, старейшины и книжники (Мф. 26, 57, 59; Мк. 15, 1; Лк. 22, 66). Принадлежа, большею частью, к сектам фарисейской и саддукейской (Деян. 5, 34; 23, 6), они были враждебно настроены против господа Иисуса Христа и учения Его (Мф. 16, 1; 6, 11). Хотя и из числа членов синедриона люди добрые и правдивые, как например, Иосиф и никодим (Мк. 15, 43; Лк. 23, 50; ин. 7, 50), были потаенными учениками спасителя, но при своей малочисленности, не имея возможности влиять на определение совета, они должны были скрывать свое мнение или, в крайнем случае, устраняться от решений, принимаемых большинством (Ин. 19, 38; Лк. 23, 51). слух о чудесах Хрис товых много раз достигал до членов синедриона: некоторые фарисеи и книжники даже нарочно ходили из Иерусалима в Галилею, чтобы своими глазами увидеть дела господа и своими ушами услышать учение Его (Лк. 5, 17). видя возрастающую славу небесного Учителя и необычайное влияние Его на народ, они старались подорвать доверие к нему и с наглостью, свойственною людям вполне безнравственным, приписывали чудеса Его силе веельзевула, князя бесовского (Мф. 12, 24; Лк. 11, 15). но события в вифании, совершившиеся в присутствии многих свидетелей, перед праздником Пасхи, в непосредственной близости к святому городу, наполненному богомольцами из всех частей света, – это событие, поразительное само по себе, не могло быть перетолковано или ослаблено в своем значении. а посему в тайном совещании между собою враги господа не отвергали уже действительности ни этого чуда, ни других чудес Его, а старались придать делу особый оттенок, хитро скрывая своекорыстные, самолюбивые расчеты за благовидною внешностью попечения об общем благе. надо сознаться, – думали они, – что успехи Галилейского Пророка велики; если не принять решительных мер, то влияние Его будет распространяться более и более, весь народ перейдет на Его сторону – и что тогда?» враждебные Христу члены синедриона, без сомнения, живо чувствовали, какие горестные последствия они должны будут испытать *тогда,* и что та власть над совестью народа, которою они доселе пользовались неразборчиво и вполне свободно, навсегда ускользнет из рук их и грозное имя синедриона сделается пустым звуком. впрочем, эти всегдашние лицемеры, даже и в тайном совещании, с глазу на глаз, не считали удобным высказать истинную причину своей ненависти к Христу спасителю. Приняв личину преданных сынов отечества, заботящихся единственно о благосостоянии его, они хотели бы видеть в Провозвестнике Евангелия возмутителя, грозящего народу неисчис-

лимыми бедствиями и даже чужеземным порабощением. *Что сотворим?* – говорило злое соборище, – *яко Человек Сей многа знамения творит: аще оставим Его тако, вси уверуют в Него, и приидут римляне, и возмут место и язык наш.* с точки зрения большинства членов совета это соображение, как будто проникнутое искреннею любовью к отечеству, имело некоторый вид вероятности. Фарисеи ожидали с пришествием Мессии исполнения своих мечтательных чаяний о земном владычестве Его; надеялись, что он во всеоружии непреоборимого могущества поразит всех врагов народа своего и возвратит блеск прежней славы павшему царству Давида и соломона. но Христос спаситель возвещал не земное, а только благодатное, духовное царство, призывая к покаянию и решительной перемене образа мыслей и жизни, уклонялся от царских почестей, какие народ в порыве благодарного чувства хотел воздать Ему (Ин. 6, 15), и всегда и во всем, как примером, так и словом, научал безропотной покорности земным властям (Мф. 17, 24, 25; 22, 21; Лк. 12, 14). ложные ожидания фарисеев шли в разрез с действительностью, и истинное благо отечества осталось навсегда ими непонятым. вместо того чтобы признать во Христе своего истинного Мессию, во смирении духа принять святое учение Его и нравственно возродиться для новой, лучшей жизни, они не уразумели *вре-мене своего посещения,* и раз и навсегда отвергли то, что могло устроить даже земное счастье их и принести им мир и спокойствие (Лк. 19, 42, 44). Действуя всегда с затаенною, корыстною целью и судя о других по себе, они неспособны были понять и оценить безусловную чистоту дел и намерений Иисуса Хрис та. Движение, возбужденное им в среде народа, стремившегося к своему безмездному Целителю и Чудотворцу, внимавшего проповеди Его с забвением даже о хлебе насущном, – это движение, по мысли слепотствующих руководителей народа, грозило в будущем ужасными бедствиями. отчего не предположить, что Галилейский Пророк воспользуется благоприятствующими Ему обстоятельствами и, собрав вокруг себя нестройные толпы народа, примет угрожающее положение в отношении рима, жадного до завоеваний? рука всемирных завоевателей и без того уже тяготеет над несчастным отечеством. истощенная иудея не в силах будет спорить с железными легионами кесаря о победе, а победители, обратив в развалины город и храм, еще более отягчат иго народа. рассуждая так, могли ли предвидеть члены верховного судилища, ревностно, по-видимому, заботящиеся о благе своего народа, что бедствия, на которые они теперь указывали для того, чтобы вернее достигнуть обвинения Христа спасителя, со временем действительно поразят несчастный народ – именно за отвержение Его?

В то время, когда члены синедриона, высказав свои опасения, не знали, на что решиться, обратился к ним с кратким, но решительным словом Иосиф каиафа. При своей хитрости и угодливости римлянам, повелителям страны, он сумел удержаться в звании первосвященника одиннадцать лет (с 25 г. по р. Х. до 36 г.), и делил власть и почести со своим тестем анною, или ананом. Затруднение, в каком чувствовали себя сочлены, показалось ему недальновидностью, достойною порицания. вопрос, поднятый в собрании, представлялся ему вопросом общественной пользы, где решение сводится к простому расчету. При этом, по мнению его, было бы излишне обращаться к чувству справедливости, советоваться с совестью, определять виновность или невиновность лица, о котором идет речь. вполне разделяя с товарищами ненависть их ко Христу, но не разделяя их мнительности, Каиа-фа воскликнул: *вы не весте ничесоже, ни помышляете, яко уне есть нам, да един человек умрет за люди, а не весь язык погибнет*. Хотя он разумел здесь избавление от той гибели, которую предугадывали другие члены, но, по замечанию святого евангелиста, речь его имела также иной высший смысл: *сего о себе не рече, но архиерей сый лету тому, прорече, яко хотяше Иисус умрети за люди, и не токмо за люди, но да и чада Божия расточеная* – иудеев и язычников – *соберет воедино,* примирив с Богом и совокупив в одном духовном обществе (Еф. 2, 14, 16). каиафа прозвучал, по выражению святителя Филарета Московского, «как кимвал, в который на тот день надлежало благовестить для церкви, но и сам же не уразумел своего благове-

стия», или, как замечает другой учитель Церкви, «луч как бы высшего озарения отразился на мгновение в мрачной душе саддукея, как луч солнца отражается в мутной и зловонной воде, не теряя своей чистоты и силы».

Речь каиафы, задуманная тонко, высказанная властно, произвела решительное действие. тайные ученики господа должны были замолчать, а большинство, не знавшее вначале, что предпринять, теперь присоединилось к мнению первосвященника: синедрион определил убить Иисуса. Это определение было окончательное, потому что, по словам святителя Иоанна Златоуста, хотя иудеи и прежде искали погубить Его, но «тогда они только искали, а теперь постановили решение, и смотрят на это дело, как на обязанность». впрочем, ни время, ни способ приведения в исполнение решения не были еще избраны: все эти подробности отложены до следующих совещаний.

Весть об угрожавшей опасности, без сомнения, не могла устрашить того, кто сам себя добровольно предавал на смерть за спасение всего мира (Ин. 10, 18). Замышляли ли враги тайное убийство рукою наемника, или, быть может, хотели скрыть господа на время праздника от взоров народа, с тем чтобы умертвить Его без свидетелей, – то и другое было несогласно с предопределением Божиим о всемирной искупительной жертве на Голгофе – перед лицем неба и земли, в самое торжественное время, при самом многолюдном собрании свидетелей из всех стран света. как *Агнец Божий, вземляй грехи мира* (Ин. 1, 29), *Агнец непорочный и пречистый* (1 Пет. 1, 19), *заколенный от сложения мира* (откр. 13, 8), Господь наш Иисус Христос знал, что Ему подобало совершить жертвенное приношение себя именно в пасху и сделаться истинною *Пасхою нашею,* закланною за нас (1 кор. 5, 7), а посему, по выражению святителя Иоанна Златоуста, спасая себя от злобы людей «по-человечески», не ходил явно между иудеями. Для большей безопасности от козней врагов он удалился в страну близ пустыни иерихонской, в город Ефраим, лежавший по соседству с вефилем (2 Пар. 13, 19), на севере от Иерусалима. и прежде, во время общественного служения, он, по словам святого евангелиста, нередко *отходил в пустыню и молился* (Лк. 5, 16), а теперь, ввиду приближающихся страданий и смерти, пустынное уединение было для него еще вожделеннее: оно могло послужить и для более внимательных из числа ближайших последователей Его наилучшим приготовлением к грядущим великим событиям.

Между тем, с приближением праздника пасхи в Иерусалим стекались богомольцы с каждым днем более и более. Многие спешили в святой город с тою целью, чтобы здесь, при храме, совершить над собою обрядовое очищение через омовение и окропление жертвенною кровью. такое очищение, на основании древних примеров (Исх. 19, 10, 11; Чис. 9, 10; 2 Пар. 30, 16–20) почиталось необходимым вступлением к достойному празднованию Пасхи. Эти пришельцы с особенным нетерпением ожидали прибытия Иисуса Христа на праздник, но слух о решении синедриона возбуждал сильное опасение, что он не придет. во время прежних посещений Иерусалима в дни народных торжеств они привыкли видеть господа в храме или на стогнах святого города учащим и чудодействующим, а посему теперь, посещая храм и не видя Его, спрашивали друг друга с крайним недоумением: *что мнится вам, яко не имать ли приити в праздник?* но враги господа – первосвященники и фарисеи – были уверены, что он, по своему обыкновению, придет на праздник, хотя, быть может, тайно, как это сделал прежде (Ин. 7, 10), и решились воспользоваться Его присутствием для того, чтобы привести в исполнение свой страшный замысел. не скрывая своего решения о смерти Божественного Учителя, они дали приказание, что если кто узнает, где он будет, то объявил бы, дабы взять Его.

Вечеря в Вифании
Ин. 12 , 1–11

За шесть дней до Пасхи Господь пришел в Ви-фанию, прославленную чудом воскрешения Лазаря. Здесь друзья Его приготовили для него самое радушное угощение. Заботливая Марфа прислуживала гостям, а Лазарь был в числе возлежавших. несмотря на недавнее повеление синедриона, обязывавшее каждого донести о местопребывании Иисуса (Ин. 11, 57), он мог чувствовать себя в полной безопасности среди этого святого общества, состоявшего из учеников и ближайших друзей Его. но во время вечери совершилось знаменательное событие, которое указало Ему и присутствовавшим на приближающейся конец земной жизни Его.

Мария выказала себя, по замечанию святителя Иоанна Златоуста, «более духовною» в сравнении со своего сестрою. Предоставив хозяйственные распоряжения Марфе, она, со своей стороны, хотела выразить благоговейное почтение и признательность Божественному Учителю в каком-либо особенном внешнем знаке. Помазание головы (Пс. 22, 5; 132, 2; Еккл. 9, 8; ам. 6, 6), бороды (Пс. 132, 2), а иногда одежд (Пс. 44, 9) и ног (Лк. 7, 38) чтимого гостя составляло одну из необходимых принадлежностей тогдашнего гостеприимства. Мария заметила, что этой услуги еще не было оказано Учителю, и в порыве неудержимого чувства совершила такое дело, которое, по слову самого господа, присовокупило ее к лику святых Жен мироносиц. она припомнила, что в доме оставался, конечно, от погребения Лазаря, фунт нардового, чистого, драгоценного мира. взяв этот благовонный состав, она приступила ко Христу, по выражению святителя Иоанна Златоуста, «не как к человеку, а как к Богу», помазала ноги Его и отерла волосами своими. в эту торжественную минуту Мария, не обращая ни на кого внимания, видела только своего Божественного Учителя и Ему одному приносила жертву искреннего усердия. весь дом наполнился благоуханием от мира. Это благоухание, касаясь обоняния соучастников вечери, могло напоминать им о том духовном благоухании, которым был преисполнен поступок Марии. Без сомнения, никто живее ее не сознавал, как дар ее мал в сравнении с величием того, кому он был принесен, и как он незначителен в сравнении с силою и глубиною чувств ее. Молчание господа служило для всех довольно понятным признаком, что святое дело Марии было принято: поступок ее говорил сам за себя яснее слов.

Радостное настроение возлежавших, сверх всякого ожидания, было возмущено укорительным замечанием того ученика, в котором спаситель еще прежде указал своего предателя (Ин. 6, 70, 71). Иуда искариотский, наружно принадлежавший к лику апостолов, по стремлениям мрачной души своей давно уже был чужд этого святого общества. При ежедневных сношениях с самосущею истиною – Божественным Учителем, с сотениками, далекими от всякого притворства, он питал в своем сердце самые низкие страсти, прикрывая их благовидною внешностью. Усердная жертва Марии, не щадившей ничего для господа, вызвала со стороны иуды ропот негодования: *чесо ради миро сие не продано бысть на триех стех пенязь и дано нищим?* какая, по-видимому, прямая, откровенная речь! какая заботливость о бедных! но сердцеведец, проникая тайные намерения иуды, зрел, что языком его двигало не сострадание к бедным, а корыстолюбие. апостолы также поняли, что в словах иуды сокрыт иной смысл. святой евангелист Иоанн прямо замечает, что он *сие рече, не яко о нищих печашеся, но яко тать бе, и ковчежец имеяше, и вметаемая ношаше* (12, 6). в малом обществе Иисусовом он был, вероятно, по собственному вызову, хранителем пожертвований, которые предназначались от доброхотных дателей как на обыденные нужды учеников господа, так и для раздачи бедным (Ин. 13, 29). При расходовании этих приношений сребролюбивый Иуда не наблюдал верности и часть вверенных ему денег утаивал в свою пользу. Хищный лице-

мер жалел, что эти триста динариев ускользают из нечистых рук его и под видом попечения о бедных не устыдился выразить свое неудовольствие на такую, казалось ему, бесполезную трату.

Как болезненно должен был отозваться в сердце Марии жесткий упрек иуды! исполнив в отношении Учителя долг совести, могла ли думать эта благочестивая женщина, что постороннее, более чем нескромное, вмешательство нарушит покой ее облегченной души? но она молчала, предоставляя защитить правоту свою тому, для кого не пожалела бы и всех благовоний ливана. в ответе своем Господь не только указал в поступке Марии проро-чественное значение и более возвышенную цель в сравнении с попечением о нищих, но и самому иуде преподал достаточно ясный для него намек на приближающееся предательство его: *не дейте ея, да в день погребения Моего соблюдет е, нищия бо всегда имате с собою, Мене же не всегда имате.* Это замечание, направленное, по-видимому, ко всем апостолам, относилось именно к иуде, но по крайнему ожесточению сердца его не произвело на него впечатления: *сын погибельный* (Ин. 17, 12) продолжал идти своим путем. Для прочих апостолов напоминание о смерти и погребении могло служить новым предостережением против мечтательных ожиданий земного царства Мессии и постепенным приготовлением к наступающим великим событиям.

Между тем, в Иерусалиме распространилась весть, что Иисус Христос находится в вифании в доме своих друзей. Многие иудеи, пользуясь близостью этого селения к святому городу, приходили туда, чтобы видеть не только самого господа, но и Лазаря, которого он воскресил из мертвых. Этот четвородневный мертвец, возвращенный к жизни всемогущим словом спасителя, явился перед лицом неверующих живым свидетелем Божества Его. видя своими глазами Лазаря и слыша рассказ о чудных обстоятельствах воскрешения его, удостоверяемый очевидцами, приходившие в вифанию иудеи веровали в Иисуса Христа и без всякого колебания признавали Его своим истинным Мессиею. Это обстоятельство привело в ярость главнейших членов синедриона – первосвященников. Положив уже на своем совете убить Христа (Ин. 11, 53), они решились теперь убить также и Лазаря, которого «вина состояла в том только, что он, по выражению святителя Иоанна Златоуста, получил благодеяние» – уверение в воскресении всех.

Лазарь, приговоренный к смерти синедрионом, впоследствии вынужден был бежать на кипр, и даже там не был в безопасности.

Последние дни пребывания Господа на земле

При с половиною года служения господа нашего Иисуса Христа спасению человеческого рода приближались к концу. непрестанною проповедью Евангелия и бесчисленными явлениями всемогущей силы в чудотворениях спаситель утвердил веру в своих учениках и последователях. но еще не был исполнен Предвечный совет Пресвятой троицы об искуплении человеческого рода от греха, осуждения и вечной смерти кровью великой Жертвы: *Агнцу непорочному и пречистому Христу, предуведеному прежде сложения мира,* надлежало пролить *честную Кровь* свою (1 Пет. 1, 19, 20) для *очищения грехов всего мира* (1 ин. 2, 2), чтобы привести нас к Богу (1 Пет. 3, 18), разрушить дела диавола (1 ин. 3, 8), отверсть нам двери Царства небесного (Еф. 2, 6) и сделать наследниками жизни вечной (тит. 3, 7). наступала Пасха, единственная в бытописании человечества, когда истинная *Пасха наша – Христос – за ны пожрен бысть* (1 кор. 5, 7), *да смертию упразднит имущаго державу смерти, сиречь диавола* (Евр. 2, 14), и изведет верующих из плена духовного *в свободу славы чад Божиих* (Рим. 8, 21).

Первый день последней седмицы

Торжественный вход Господа в Иерусалим Мф. 21, 1–16; Мк. 11, 1–10; Лк. 19, 29–46; Ин. 12, 12–19

Господь наш Иисус Христос предначал последние дни своей земной жизни таким действием, в котором явился перед всеми как предвозвещенный пророками и ожидаемый израилем спаситель. Пока еще не настало время Его (Ин. 7, 6), пока не пришел час крестного прославления Его (17, 1), он тщательно избегал всех случаев, где народный восторг желал бы видеть исполнение заветной мечты о восстановлении древней славы царства израильского (Ин. 6, 15): с тою же целью, во избежание перетолкований и затемнения истины примесью суетных ожиданий, он нередко запрещал своим ученикам и последователям разглашать всенародно, что он есть ожидаемый Христос спаситель (Мф. 12, 16; 16, 20; 17, 9; Мк. 5, 43; Лк. 5, 14). теперь, ввиду страданий, мечтательность народная не могла дойти до какой-либо прискорбной крайности, а крест «решительно полагал конец в последователях Его всем подобного рода замыслам». «Часто и прежде сего, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – Иисус Христос ходил в Иерусалим, но никогда не ходил с такою славою, потому что тогда было еще начало строительства Его, – время страданий еще не было близко; посему он жил, не отличаясь ничем от прочих, и по большей части скрывал себя». По мысли святого отца, славное явление Его в самом начале «было бы не нужно и бесполезно: оно лишь возбудило бы в иудеях большой гнев». во время спасительного служения Иисуса Христа одни веровали, слыша учение или видя чудные дела Его, а другие желали еще прямого объявления с Его стороны о том, что он Мессия-Христос (Ин. 10, 24). и вот первый день седмицы, окончившейся смертью Богочеловека, был тем великим, знаменательным днем, которым решалась судьба не только многих современников господа, но и всего народа иудейского. Для окончательного научения неведущих, вразумления упорствующих, устранения сомнений людей, колеблющихся в вере, наконец, для укрепления веры истинных последователей. Иисус Христос в последний раз предстал пред *дщерию Сиона,* избранным народом своим, во всем неземном величии *Царя кроткаго, праведнаго и спасающаго* (Зах. 9, 9). отвергнув спасителя своего, иудеи уже не могли сказать, что отвергли Его по неведению, и по всей справедливости должны были испытать грозный суд Божий: «идет открыто, по выражению блаженного Феофилакта, – дабы они, если пожелают, уразумели славу Его и через исполнение на нем пророчеств познали истину: а ежели не пожелают уразуметь, то чтоб это обстоятельство послужило к большему осуждению их».

Кроме сего, вход господень в Иерусалим имел еще особый знаменательный смысл. День этого события, без сомнения, не случайно совпал с тем днем, в который, по закону Моисееву (Исх. 12, 3), каждое семейство избирало агнца для пасхальной вечери. служа для израильского народа видимым знаком древнего благодеяния Божия, оказанного праотцам в Египте, пасхальный агнец прообразовал также *Агнца непорочнаго и пречистаго* (1 Пет.

1, 19), *заколенаго от сложения мира* (откр. 5, 12; 13, 8), *Агнца Божия, вземлющаго грехи мира* (Ин. 1, 29). когда пришло время, прообразуемый агнец, который был, по глубокомысленному выражению святителя григория Богослова, «Жертвою, но и Архиереем, жрецом, но и Богом», сам себя уготовлял в виду всего народа, чтобы, исполнив знаменование ветхозаветной пасхи, сделаться для нового израиля новою Пасхою. вступив в святой город, как жертва, венчаемая на заклание, Иисус Христос провел немногие остающиеся дни своей земной жизни в ясном предведении приближающихся страданий и смерти. впоследствии для учеников Господа, по научению их от Духа Свя-таго (Ин. 14, 26) и отверзению ума к

уразумению Писаний (Лк. 24, 45), радостные восклицания народа и победные знамения, сопровождавшие вход в Иерусалим, могли иметь еще иной таинственный смысл – победы спасителя над смертью и адом (1 Кор. 15, 55, 57). Святая Церковь, в своих песнопениях прославляя господа как «Победителя смерти», изъясняет, что еврейские дети сретали Его с ветвьми и ваиями, «предвозвещая победу воскресения», и самые ветви древесные и ваии финиковые называет «знамениями воскресения».

Торжественное шествие господа в Иерусалим, несмотря на те необычайные почести, с какими народ и ученики приветствовали Божественного Учителя, само по себе было чуждо всяких признаков земного величия. не видно было здесь пышности, какой обыкновенно окружают себя земные цари в шествиях своих, не видно было, скажем словами святого Прокла, «ни оружий, ни щитов, ни копий, ни порфир, ни грозных и могучих телохранителей, а видно все противоположное: осля слабое, младое, чуждое, к ярму готовимое и сопровождающие – ученики». и могло ли быть иначе? Это, по выражению святителя Мефодия Патарского, «добрый и верный Пастырь грядет положить добровольно жизнь свою за овец своих, – грядет Бог на диавола, не с открытым могуществом, которого и зрение снести не может, но в немощной плоти, дабы связать сильного, – грядет Царь на мучителя, не с силою вседержителя, не с премудростью, но с мнимым буйством креста, дабы посредством его исторгнуть добычу у змия, мудрого на зло». в великий день посещения Иисус Христос является перед лицом иудейского народа с обычною простотою, кротостью и смирением, в таком виде, который всего менее соответствовал мечтательным ожиданиям земного могущества. Хотя это событие и произвело движение в народе, но движение, не выходившее за пределы обыкновенного порядка, так что даже злейшие враги господа, собирая отовсюду обвинения против него, не осмелились сделать ни малейшего намека на вход Его в святой город. Да и римляне, ревнивые охранители своей верховной власти в иудее, не щадившие ни огня, ни железа для подавления действительных или только воображаемых посягательств на свои права, не обратили внимания на торжество входа господня в Иерусалим: так оно представлялось им невинным и чистым от всякой тени и подозрения!

На другой день после вифанской вечери спаситель продолжал путь свой к Иерусалиму. скоро он поравнялся с селением виффагиею, находившимся по соседству с вифаниею, на восточном склоне горы Елеонской (Мк. 11, 1; Лк. 19, 29), и, подозвав двух учеников, сказал им: *идита в весь, яже есть прямо вама, и абие входяща в ню, обрящета осля привязано и жребя с ним, на неже никтоже николиже от человек вседе, – отрешивша приведита Ми, и аще кто вами речет: что творита сие? почто отрешае-та? – сице рцыта ему, яко Господь требует е, и абие по-слет е семо. С*вятой евангелист Иоанн замечает, что ученики не понимали тогда цели и смысла величественного события, которое начинало раскрываться перед очами их (12, 16). они знали древнее пророчество о царственном пришествии Христа спасителя в Иерусалим, но, не отрешившись еще от распространенных в народе ожиданий земного владычества Мессии, могли думать, что это пророчество исполнится в свое время иным образом. Утешая народ израильский среди бедствий, постигших его, пророк Захария предвещал о Царе, который принесет с собою мир и спасение: *се Царь твой грядет тебе кроток и всед на осля и жребя, сына подъяремнича* (9, 9). *Егда прославися Иисус,* говорит святой евангелист Иоанн, т. е. по воскресении и вознесении Его, ученики *тогда помянуша, яко сия быша о Нем писана и сия сотвориша Ему* (12, 16). но ученики и прежде этого случая не всегда ясно понимали слова и действия своего Учителя, а посему и на этот раз считали долгом исполнить поручение Его, не предаваясь излишней пытливости. все произошло так, как предрек им Господь, и из этого соответствия события с предсказанием они еще более должны были удостовериться в Божественном всеведении и всемогущей силе Иисуса Христа. При самом входе в селение виффагию посланные нашли ослицу, привязанную у ворот на улице, и при ней молодого осла, и когда начали отвязывать, стоявшие там хозяева сказали

им: *что отрешаета жребя?* Ученики отвечали, как повелел Иисус, и те беспрепятственно отпустили их. «Этого не могло бы быть, по толкованию блаженного Феофилакта, – если бы на владетелей жребяти не действовала сила Божия, побуждающая отпустить жребя: они были люди бедные и рабочие».

Посланные возвратились и привели с собою ослицу с молодым ослом. тогда все могли понять, что, при всей простоте обстановки, предстоит нечто знаменательное и священное, потому что животные, не носившие ярма, в древности были избираемы для какого-либо особенно важного назначения (Чис. 19, 2; Втор. 21, 3; 1 Цар. 6, 7), а осел, в противоположность коню, служившему для военных нужд, считался символом мира. Это животное, отличаясь ровным и твердым шагом, было весьма полезно в домашнем быту жителей востока и обыкновенно употреблялось и простыми, и знатными людьми для путешествий по горным и утесистым дорогам Палестины (Исх. 4, 20; суд. 10, 4; 12, 14; 2 Цар. 17, 23; 19, 26; 3 Цар. 2, 40; 13, 13; 23, 27). на приведенного осленка ученики накинули свои верхние одежды, и когда Господь воссел, шествие продолжалось, представляя духовному взору, проникавшему будущее, таинственный смысл. в торжественном входе господа в Иерусалим святитель Иоанн Златоуст, кроме исполнения пророчества Захарии, находит еще «пророчество дел». По мысли блаженного Феофилакта, Господь, «прообразуя своими действиями будущее, предвозвестил сим призвание нечистых язычников, т. е. что он в них почиет, что они приидут к нему и за ним последуют. Здесь через осленка означается Церковь и народ новый, который был некогда нечист, но после того, как воссел на нем Иисус Христос, соделался чистым. обрати внимание, – продолжает святой отец, – и на послушание осленка: как он, вовсе не обученный и не знавший еще узды, не помчался быстро, но шел тихо и спокойно; – и это служило предзнаменованием будущего выражая покорность язычников и скорую их перемену к благоустроенной жизни». ослица, следовавшая за осленком, предозначала сонмище иудейское, вначале отверженное, но потом последовавшее примеру язычников: «наша блаженная и славная участь, – говорит святитель Иоанн Златоуст, – и в иудеях возбудила ревность: осел идет позади осленка; и действительно, после того, как Иисус Христос воссядет на язычников, тогда и иудеи по своей ревности приидут к нему». в церковных песнопениях также толкуется, что Господь «на жребя восшел образно, – языки укротевая»; «стропотное языков седалище жребца прообра-зоваше, из неверия в веру претворяемое», и призывается род иудейский прийти и видеть, «Егоже виде исаия во плоти нас ради приити имуща, како уневещает себе, яко целомудренный, новый сион и отлагает осужденную сонмицу». и это «худое жре-бя» было как бы «высоким престолом», на котором воссел Христос, никогда не удалявшийся от недр отца, не оставлявший и Херувимского престола, потому что «как долу с плотию он присущ смертным, так точно горе он с отцем как неложный и истинный Бог» (свт. Епифаний кипрский).

Дорога к Иерусалиму шла по отлогому спуску Елеонской горы. Услышав, что Иисус идет в Иерусалим, множество народа, пришедшего на праздник, вышло к нему навстречу. Не простое любопытство влекло эти толпы богомольцев к спасителю, но искреннейшее желание сердца – приветствовать в нем давно ожидаемого Мессию, благословенного потомка Давидова, грядущего, как они думали, восстановить древнюю славу израиля. все, предшествовавшие и сопровождавшие господа, при виде кроткого Царя, предсказанного пророком, пришли в восторг и в жару усердия старались выказать перед ним все знаки величайшего почтения. одни постилали по дороге свои одежды, – почесть, которую воздавали царям лишь в исключительных случаях (4 Цар. 9, 13); другие, срезая ветви с дерев, бросали их по пути. такое торжество привело многим на память один из величайших праздников израиля, установленный для прославления чудного странствования в пустыне: для выражения своих чувств они воспользовались стихами псалма (117, 25, 26), который, по давнему обычаю, было принято петь в праздник кущей, и к псалом-ским словам присоединили и свои

задушевные пожелания. Потрясая пальмовыми ветвями, заповеданным в законе знамением священной радости (Лев. 23, 40), многолюдная толпа народа восклицала: *осанна Сыну Давидову! Благословен грядый во имя Господне! Благословено грядущее царство во имя Господа отца нашего Давида! Благословен грядый во имя Господне Царь Израилев! Осанна в вышних!* торжественное *осанна,* т. е. *спаси, помоги,* слышалось со всех сторон. всем казалось, что наступало исполнение давних чаяний славного царства Мессии; общий восторг достиг высшей степени, и к радостным воплям народа ученики господа присовокупили и свои громкие восклицания: *благословен грядый Царь во имя Господне! Мир на небеси и слава в вышних!* Хотя сердцеведец ясно зрел в этих восторженных возгласах примесь мечтательных ожиданий, но, предоставляя ближайшему времени очистить понятия своих последователей, не препятствовал радости народа выражаться свойственным ей образом.

Ликование народа, прославлявшего спасителя, было неприятно всегдашним завистникам Его – фарисеям. вмешавшись в толпу, они внимательно наблюдали за всем происходившим. Хитрые лицемеры, не смея обнаружить себя перед народом, решились обратиться к самому господу и, улучив минуту, среди шума восклицаний сказали Ему тоном упрека и угрозы: *Учителю, запрети ученикам Твоим.* они как будто хотели дать понять, что такая восторженная встреча, оказанная Ему, может вызвать подозрение со стороны языческого правительства и навлечь кару на увлекшийся народ. Господь видел, из какого источника проистекает эта мнимая заботливость о благе народном, и отвечал им кратким, но многознаменательным присловием (авв. 2, 11), показывавшим, что настоящее событие совершается по непреложному определению свыше и что конечная причина его в тайнах Божественного Промысла, употребляющего в служебное орудие для себя и одушевленную, и неодушевленную природу: *глаголю вам, яко аще сии умолчат, камение возопиет.* когда смолк голос воплощенной истины, это свидетельство вопиющих камней, которые расселись во время крестной смерти Богочеловека (Мф. 27, 51), враги Христовы могли наблюдать собственными глазами.

Шествие, подвигаясь по склону Елеонской горы, приближалось к городу. с покатой возвышенности, где теперь находились путники, Иерусалим представлялся во всем величии: на первом плане, за потоком кедрским, возвышался храм; около него уступами виднелись величественные портики с исполинскими колоннадами и многочисленные пристройки для помещений богослужебных принадлежностей и служащих лиц, а на северо-западной стороне храма, как свидетельство того унижения, какое римские орлы принесли израилю, выдвигалась крепость антония с высокою башнею, господствовавшею над всею окрестностью. влево от храма, за глубоким рвом древние стены и башни, венчавшие сионскую гору, служили памятником счастливых времен царей иудейс ких. При виде города, сохранявшего еще следы своей вековой славы, Божественное лицо господа выразило глубокую скорбь. взорам Его под покровом наружного великолепия ясно представлялось приближающееся запустение Иерусалима и отвержение богоубийственного народа. окруженный ликующею толпою, среди радостных криков, всеведущий зрел, что настоящий день посещения, который мог бы составить славу и счастье израиля, сделается для него началом ужасных бедствий. он знал, что торжественное *осанна* через несколько дней сменится яростными воплями: *возми, возми, распни Его!* (Ин. 19, 15), знал, что дщерь сионова, приветствующая своего Царя, скоро перед лицом чужеземной власти отречется от него: *не имамы царя!* (ст. 15), знал, что, по выражению святителя Филарета Московского, «Царствие небесное, как молния, открывшееся над Иерусалимом, и поглотится, как молния, областью темною». а за сим он уже видел исполнение грозного суда Божия над отверженным городом и народом, – и из очей Его потекли слезы, обильные слезы беспредельной любви, желающей спасения заблуждающим и встретившей упорное сопротивление. обратив взор свой к городу, спаситель произнес голосом, в котором слышалось искреннее участие к судьбе его: *яко аще бы разумел и ты, в день сей*

твой, еже к миру твоему! Ныне же скрыся от очию твоею, яко приидут дни на тя, и обложат врази твои острог о тебе, и обы-дут тя, и обымут тя отвсюду, и разбиют тя и чада твоя в тебе, и не оставят камень на камени в тебе, понеже не разумел еси времене посещения твоего. Многим из спутников господа суждено было видеть исполнение этого пророчества во всей поразительной точности. Еще не успело одно поколение смениться другим, как под стенами Иерусалима явились римские легионы (в 70 г. по р. Х.), чтобы сломить последний оплот возмутившихся иудеев. тит окружил город окопами, обвел его стеною и сильно стеснил осажденных, вынуждая их к сдаче голодом. несмотря на упорную защиту, Иерусалим был взят и предан совершенному разорению: все здания его были сравнены с поверхностью земли, и плуг пахаря прошел по тому месту, где стоял преступный город.

По вступлении господа Иисуса Христа в Иерусалим весь город пришел в движение. При виде многочисленной толпы, сопровождавшей Его и громко выражавшей свое восторженное настроение, жители города, а также богомольцы, собравшиеся на праздник, спрашивали: *кто есть Сей?* народ говорил: *Сей есть Иисус Пророк, Иже от Назарета Галилей-ска.* При этом пришедшие из вифании и знавшие все подробности воскрешения Лазаря рассказывали любопытным, как он вызвал четвородневно-го мертвеца из гробовой пещеры и возвратил его к жизни. слава чуда, переходя из уст в уста, возбуждала во всех непритворное удивление. одни только завистники Христовы – фарисеи – не разделяли общей радости народа. в крайнем смущении от всего, чего пришлось им быть невольными свидетелями, они говорили друг другу: *видите, яко ни-каяже польза есть, – се мир по Нем идет.*

Шествие направилось туда, куда стремились бла гочестивые израильтяне всеми желаниями сердца (Пс. 41, 2, 3), – к храму, составлявшему славу и величие святого города. Здесь, в святилище иеговы, подобало всенародно явиться предвозвещенному пророками Мессии и в знаменательный день посещения своего еще раз засвидетельствовать чудесами о своем Божественном посланничестве. Много раз во время общественного служения своего приходил Господь в храм, но настоящее пришествие Его напоминало иудеям внушительнее, чем когда-либо, древнее пророчество: *внезапу приидет в церковь Свою Господь, Егоже вы ищете, и Ангел завета, Егоже вы хощете, – се грядет* (Мал. 3, 1). когда Владыка храма вступил в священную ограду, он увидел здесь то, против чего еще в начале своей проповеди выражал праведное негодование (Ин. 2, 13–17), увидел, как в месте молитвы и богомыслия приютилась злая страсть корысти: воспылав ревностью о славе отца небесного, он очистил святилище от всех продающих и покупающих, и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: *писано есть: храм Мой – храм молитвы наречется, вы же сотвористе и вертеп разбойником.* слова сии читаются у пророков Исаии (56, 7) и Иеремии (7, 11). Присутствие господа храма тотчас сделалось ощутимым, и к милосердому Целителю недугов собрались все чаявшие получить от него не простой дар, а тот, который только он мог дать – исцеление: слепые, хромые окружили Его и получили то, чего ожидали – исцеление. Эти чудеса увеличили общую радость дня, к которой присоединились даже малые дети. в невинном детском восторге от всего виденного и слышанного поспешив за Иисусом Христом в храм, они огласили дворы и портики святилища своими криками: *осанна Сыну Давидову!* не понимая смысла слов, они повторяли только то, что недавно слышали при торжественной встрече господа. но и эта, не вполне сознательная, хвала не была отвергнута тем, кого славословят все *дела рук Его,* и даже самая неодушевленная природа (Пс. 18, 2). Первосвященники и книжники, приведенные в негодование чудесным исцелением недужных и восклицаниями детей, прославлявших Иисуса Христа, обратились к нему с насмешливым упреком: *слышиши ли, что сии глаголют?* Господь отвечал своим завистникам словами псалма, в котором изображается величие Божие, видимое во всем мире, в великих и малых творениях, даже в неразумных младенцах и грудных детях: *ей, несте ли чли николиже, яко из уст младенец и ссущих совершил еси хвалу* (Пс. 8, 3)? так, замечает святи-

тель Иоанн Златоуст, «дети, еще не достигшие зрелого возраста, вещали великое и достойное неба, а мужи говорили слова, исполненные всякого безумия».

Речь о прославлении, о страданиях и глас с неба; наставление народу и ученикам Ин. 12, 20–50; Мф. 21, 17; Мк. 11, 11

В числе богомольцев, пришедших в Иерусалим на праздник Пасхи, были также еллины – язычники, заимствовавшие от иудеев веру в единого творца мира, и по всей вероятности, так называемые *прозелиты врат,* которые, не принимая обрезания и не подчиняясь обрядовому закону во всей подробности, считали однако своею обязанностью являться в храм на великие праздники. строго отличаясь во мнении народа от *прозелитов правды,* принимавших все иудейские верования и обряды, начиная с обрезания, они могли иметь доступ только к вратам храма, не далее внешних притворов святилища. некоторые из этих прозелитов, привлеченные славою господа, пожелали видеть Его несколько ближе и, если можно, вступить с ним в беседу. но они сами не смели приблизиться к Иисусу Христу, и, подойдя к одному из учеников господа – Филиппу, просили содействия его: *господи, хощем Иисуса видети.* как ни просто и невинно само по себе было желание этих полуязычников, но исполнение его представило апостолу немало затруднений. Памятно было наставление господа, обращенное к двенадцати апостолам при отправлении их на проповедь: *на путь язык не идите, идите же паче к овцам погибшим Дому Израилева* (Мф. 10, 5, 6); не забыты были слова, сказанные им о себе самом: *несмь послан, токмо ко овцам погибшим Дому Израилева* (15, 24).

«ясно, – мог думать Филипп, – Учитель желает ограничить свою деятельность пределами народа избранного, и домогательство еллинов не соответствует видам Его, а поэтому не может быть принято благоволительно». святой апостол счел за лучшее посоветоваться с андреем, первозванным учеником, происходившим из одного с ним селения – вифсаиды Галилейской (Ин. 1, 44) и вместе с ним пользовавшимся перед господом особым дерзновением (6, 7–10). они оба, по совещании, решились рассказать Иисусу Христу о желании еллинов.

Это случайное, по-видимому, появление ел-линов представилось взору Богочеловека событием глубоко знаменательным. три с половиною года служения спасению погибших чад израиля прошли; предстояло великое крестное служение спасению всего падшего человечества. настал час страшный, но спасительный час всемирной Жертвы; пришло время прославления сына Человеческого через смерть, и смерть крестную, и распространения веры в него между всеми языками (Флп. 2, 8–11). Пора, оставив иссыхающую смоковницу – дщерь сионову, обратиться к *дикой маслине* (Рим. 11, 17) – язычникам, жаждущим истины и правды; и привить их к единой плодоносной *Лозе* (Ин. 15, 5). Пора доброму Пастырю *положить душу Свою за овцы* (Ин. 10, 11) и послужить многоплодным семенем для Царства небесного, вознестись через крест в предвечную славу свою (Лк. 24, 26; ин. 17, 5) и, собрав крестом всех верных своих последователей, привлечь их гор**е** – в светлые обители отца небесного (Ин. 14, 2, 3).

Язычники у дверей Царства Божия: это, по мысли господа, – знамение и для него самого (ст. 23–30), и для всего мира (31–33), и в частности, для израиля (34–36). не отвечая прямо на желание еллинов, переданное андреем и Филиппом, он мысленно созерцает перед собою спасительный крест, открывающий всему человечеству *путь новый и живый* (Евр. 10, 19). *Приде час, да прославится Сын Человеческий. Аминь, аминь глаголю вам: аще зерно пшенично пад на земли не умрет, то едино пребывает, аще же умрет, многплод сотворит. Лю-бяй душу свою погубит ю, и ненавидяй души своея в мире сем в живот вечный сохранит*

ю. Аще кто Мне служит, Мне да последствует, и идеже есмь Аз, ту и слуга Мой будет, и аще кто Мне служит, почтит его Отец Мой. Эти слова, сказанные в такой торжественный час, с величием, подобающим сыну Божию, должны были глубоко напечатлеться в умах и сердцах апостолов, не вмещавших еще мысли о страданиях и смерти господа. теперь они слышат, что крест для Учителя есть путь к прославлению, – что смерть Его необходима для распространения Евангелия во всем мире, подобно тому как зерно, истлев в земле, дает растению жизнь, – что, наконец, и для последователей Его нет другого пути к вышней почести, как путь самоотвержения, лишений и страданий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.